

Н. ШЕРСТЕННИКОВ

СЕДЬМОЕ ИМЯ

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН-ПРАКТИКУМ

Николай Иванович Шерстенников

Седьмое имя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69887806

SelfPub; 2023

Аннотация

Тайна времени и загадочный народ Бури. Племя людей-волков и противостояние антиподов. Кто одержит верх в схватке, определяющей судьбы мира на многие века вперед? Но превыше всего свет истины, которую каждый норовит исказить и объяснить по-своему. Однако истина непреложна и не служит никому, напротив, любые силы служат ей. Герои романа стремятся к познанию и восхождению к высшим уровням жизни. В борьбе, через множество драматических испытаний проходят они, чтобы узреть свет изрекающий...

Содержание

К читателю	5
Пролог	8
Три ветви	8
Знающий	13
Лестница имен	16
Первая ступень-имя – «Ствол-дерево»	16
Вторая ступень-имя – «Муравей-Жук»	17
Третья ступень-имя – «Волк»	18
Четвертая ступень-имя – «Медведь»	19
Пятая ступень-имя – «Лебедь»	20
Восхождение	21
Шестая ступень-имя – «Оборотень»	22
Седьмая ступень-имя Волхв – «Человек»	23
Наречение	26
Такой же!	37
Встреча с нелюдьми	41
Воскрешение	50
Им не нужны тела	54
Она проклята!	59
Отбор в совершенство	68
Разговор на границе	74
Тревога из-за горизонта	83
Приглашение к путешествию	88

Бегом от себя	93
Начало служения	97
Часть вторая: Восхождение	102
У порога	102
Мир Предков	112
Тишина «не жизни»	119
Люди или волки?	131
Храм сердца	136
Реальность легенд	141
Глас Хозяина	146
Куда шагнешь, ведун?	155
Привычка к чуду	171
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Николай Шерстенников

Седьмое имя

К читателю

Древнее знание, казалось, утерянное безвозвратно, возрождается. И это не реанимация полуживого, а восстановление памяти. Может показаться невероятным, но каждый заинтересованный найдет в глубинах своей памяти все необходимое, для освоения и работы в системе практик Великой Северной традиции и пользоваться ими во благо себе и близким. Научиться им несложно, поскольку практики просты и доступны. Но откуда они, из каких исторических сумерек появились, и почему эта простота была скрыта от нас? Ответы на эти вопросы, вы, читатели, найдете в предлагаемом мистическом романе-практикуме.

Почему практикум? Книги, в которых описываются конкретные приемы и методы восстановления здоровья, достижения внутренней гармонии и равновесия человека в мире, являются своеобразными инструкциями. Люди, которые пользуются ими, неосознанно стараются выполнить все именно так, как предложено в описаниях. А вот художественное произведение дает большую свободу личному творчеству. Здесь нет рекомендаций и регламентирующих

ограничений. Сюжетная интрига, в которой действуют герои повествования, стала основой для образного описания приемов и методов, позволяющих раскрывать внутренний потенциал человека, извлекать из потаенных глубин психики скрытые сверхвозможности и управлять ими. Художественное произведение вызывает импульс личного творческого действия человека, и он сможет, опираясь на схему, приведенную в романе, создать свою, присущую только ему систему действий и поступков. А это уже серьезная заявка на раскрытие личного творческого потенциала.

Я не даю каких-то конкретных рекомендаций. Описание практик сдобрено художественными образами и метафорами, но от этого их ценность не уменьшается. На мой взгляд, наоборот, она вызывает в человеке желание творчески осмыслить методы и, отбросив все лишнее, использовать их в своей жизни. А что лишнее – каждый решит сам. Ибо человек индивидуален и не может повторять общую для всех схему действий. Каждый вносит свои коррективы, чтобы тот или иной прием стал действенным и эффективным лично для него. Быть может, изменения будут небольшими, но они помогут достичь высот гораздо быстрее, нежели бесконечное бездумное повторение определенной схемы действий.

Художественное повествование открывает простор для личного творчества и, на мой взгляд, является той животворящей основой, которая поможет заинтересованным людям войти в систему практик Великой Северной традиции,

научиться созидать здоровье, успех, радость, противостоять неудачам и отринуть соблазны мира. Успеха вам! Пусть Высшая Воля осенит вас милостью и вниманием.

*Тени былого из вечности встали,
Тропами мыслей окутали мир!
Разум их слышит, но внемлет едва ли,
Гром в нем гремит – этой жизни клавир...*

*Уши имеющий, слышит стенанья,
Что отовсюду возносятся ввысь.
Очи имеющий видит мельканье
Тысяч пустых, замороженных лиц*

*Сердце от стужи стучит вхолостую
Лишь кровь разгоняя, но теплится в нем
Искра живая, что вспыхнет сжигаая
Злобу и ярость. И стихнут потом*

*Громы земной, застоявшейся жизни,
Лучик надежды в сердце войдет
Уши имеющий мысли услышит!
Очи имеющий – Имя найдет!*

Пролог

Три ветви

В незапамятные времена на Земле появился народ Силы. Он основал на полуночи Великое царство Света. Люди Силы хотели распространить Свет Истины по всей Земле, но... Из таинственной бесконечности пришел народ Бури. Страшными ураганами ударил он по полуночному царству. Свириное ненастье несло холод и разрушение, и народ Силы медленно отступал под его ударами. И настал день, когда люди Света достигли земель Прибрежья. Буря громыкала в темноте ночей, заливая скалистые берега дождями. Но в борьбе с ураганами народ Силы окреп и закалился, научился противостоять бурям. И наступило хрупкое равновесие. Люди Света осели на границах льда и ночи. В борьбе с Бурей народ Силы утратил многое из сокровенного знания. Но люди не тревожились, ибо знали, что хранители пронесли знания через испытания и готовы поделиться сокровищами предков.

Оседлая жизнь на скалистых землях Прибрежья для многих была скучной. Хранители рассказывали о древнем величии народа и многие жаждали восстановить его. Но где искать утраченное?

Хранители донесли древнюю легенду о пришествии пер-

волюдей. В воды полуденного океана этого мира их привела «туманная» тропа и там родилось племя, вышедших на сушу предков. Они основали на полуночи Великое царство Силы и Света.

Буря пришла, чтобы погасить свет, идущий с полуночи. Она ударила холодами и ненастьем и согнала народ Силы с обжитого места. Но, прежде чем покинуть полуночное царство, высшие посвященные укрыли в тайных схронах ключи Великого знания. Нашедший их примет всю полноту наследия и станет царствующим... Но где оно, в каких краях – то было неведомо.

Одни хранители говорили, что ключи погребены в холодных полуночных морях. Другие считали, что ключи укрыты в теплых полуденных водах, откуда и вышли предки. Третьи уверяли, что искать надо рядом с собой... Не было единства среди посвященных.

И осевший в Прибрежье народ Силы разделился. Одни приняли сторону Хранителей, говоривших о полуночных морях. Другие прониклись идеей о полуденных водах. И началось разделение. Найти ключи к древнему знанию мечтали все, но где искать? Единый народ распался на три ветви. Одни говорили:

– Мы пойдем в холодные полуночные моря и там отыщем священные ключи. Мы принесем их и возродим былое величие!

Другие стояли на том, что искать надо в теплых полуден-

ных морях. Они говорили:

– На полудне мы откроем кладовые света и вернемся в Прибрежье, чтобы снова засияло Великое царство предков...

А третьи считали, что ключи спрятаны в лесах, покрывших дальние оконечности земель Прибрежья. Они говорили:

– Зачем древним мудрецам было прятать основу там, где ее трудно найти? Она здесь. Буря толкала нас к этим землям, и мудрецы знали, что народ придет сюда. Здесь и укрыли будущую силу.

В стремлении к возрождению былого могущества, некогда единый народ разделился на три ветви. Каждая из них стала самостоятельной. И даже назвали они себя, словно подчеркивая истинность их знания о месте, где укрыты ключи. Влеса считали, что искать надо на землях и в лесах Прибрежья. И новым названием своего народа будто подчеркивали – в лесу. Белоглавы доказывали, что сокровище предков спрятано на полуночи и назвали себя так, чтобы все знали: их головы покрыты белыми снегами, в которых они будут искать наследие перволюдей. Третьи стояли на своем: сокровище на полудне, в водах теплых морей, откуда вышли первопредки. И назвали себя Ары – ищущие свет.

Три ветви одного могучего ствола, три народа, устремившихся на поиски Великого знания. Каждый начал свою жизнь. Одни ушли на полночь и осели на скупых берегах холодных морей. Другие отправились в столетний путь на пол-

день. Они шли и всюду оставляли свои следы. Там, где оставались Ары, возникали поселения, рождались народы, заселявшие окрестные земли.

Каждый народ постепенно открывал внутренние ключи сокровенного знания. Но Влесы ближе других подобралась к корням. Совсем немного требовалось, чтобы принять последние ключи и возродить былую мощь перволюдей, но вновь ударила Буря! Бурейцы словно ждали часа, когда знание возникнет из ниоткуда. Страхом и ураганами разметало народ по Прибрежью, разделило на несколько племен. Но ведуньи Влесов успели скрыть обретенное в тайных убежищах. Буря напрасно свирепела. Бурейцы металась в поисках схронов по землям Влесов, но знание было надежно укрыто и ничего не нашли бурейцы.

А народы братья – Белоглавы и Ары, прознав об ударах Бури, поспешили на помощь, да наткнулись на невидимые стены. Бурейцы растащили по землям крохотные багровые кубики – и закопали их так, чтобы разделить братьев. Кубики черпали силу и мощь огня, заключенного в недрах Земли и создавали невидимые, неосязаемые стены. Злоба, ярость, глупость, зависть – все темное и грязное проникало сквозь них свободно. А вот любовь, доброта и свет знания застревал в невидимой паутине, и обрекал людей на разделение и непонимание.

Вряд ли можно обозначить календарные расстояния, которые отделяют нас от эпохи, когда воины Бури создавали

таинственные стены. Но они действуют до сих пор, делят народы и сердца людей, порождают злобу, ненависть и суррогаты духовности. И сколько бы ни пытались люди разрушить стены, те только крепнут. Устроены они так, что силу разрушения направляют на собственное укрепление. Не разрушать надо магические построения, а понять для чего их создали бурейцы, какую задачу ставили перед собой те, кто десятки тысячелетий назад опутал мир страхом, и повелевает народами, разделяя и властвуя! И рухнут стены...

Часть первая:

Ведун Прибрежья

Знающий

Человек в плаще из медвежьей шкуры стоял у окна вырубленного в скале грота, и остановившимися глазами смотрел на линию горизонта, которая делила их мир надвое. Густо синее, в белых барашках волн море сливалось с таким же, густо синим у горизонта небом. И только опытный взгляд мог различить границу, разделяющую море и небо. Он вспоминал:

Ночью, когда луна висела близко к воде океана, его потрянула изнутри вещая сила. Спать он уже не мог. Сила подняла его и потянула на берег. Он понимал, что происходит важное, и спешно опускался по крутой тропинке на полосу мокрого песка. Босыми ногами он встал на прохладный песок, поднял руки к сияющему диску луны и мысленно воскликнул:

– Великий Джянга! Ночное лицо твое манит меня! Что я могу, к чему ты меня призываешь?

Он увидел, как от луны к нему протянулась светящаяся нить, вошла в глаза, прохладой окутала мозг и потекла вниз по позвоночнику. А в голове, словно дверца открылась, и из нее хлынуло ночное знание. Он теперь знал ночную правду, но предстояло открыть в себе дневное знание и принять мудрость восхода и заката. Он дождался рассвета и вместе с первыми лучами принял в себя его сокровенное знание.

В тот час, когда солнце показалось из-за горизонта, его лучи отразились от глади океана, и зеркальная поверхность покрылась рябью. Он подумал, что это волны, но потом понял, что это морщины набежали на лицо Великой Воды, а в глубине засветился огонь. Он медленно поднимался к поверхности и когда вынырнул, человек увидел сияющий огненный шар. Огонь соприкасался с водой, но не было пара и свирепого шипения. Этот огонь рождала Великая Вода, и благословляла им своих избранников. Сейчас таким избранником стал он. Водяной огонь висел над поверхностью и манил к себе. Избранник стоял неподвижно. Он знал, что сейчас от огня к нему протянется дорожка. Так и случилось. От огненного шара протянулся луч. Он висел над поверхностью воды и чуть колыхался в такт прибою. Избранник ступил на луч и пошел по нему. Огненный шар раскрыл перед ним сверкающий грот, и он смело шагнул внутрь. Едва он почувствовал жар огня, как родилось дневное знание. Огонь принял его ласково и осторожно. А потом вытолкнул в воду. Он поплыл к берегу и скоро почувствовал под ногами каменное дно. Ему предстояло дожидаться вечера и принять закатную мудрость. Он лег на песок, хотел забыться, уснуть, но солнце нещадно пекло кожу, и он встал, чтобы укрыться в тени. А когда огляделся вокруг, то не увидел тени, но услышал бесплотный голос внутри:

– В себе ищи тенистое и прохладное место. Там укройся от зноя.

Он хотел удивиться совету, но неожиданно увидел внутри прохладный грот и спрятал туда ту свою часть, что изнывала от жары. И сразу стало легче. Зной отступил, изнутри поднялась волна прохлады, и он уже спокойно лежал на солнце-пеке, дожидаясь вечера.

Солнце завершило небесную часть своего круга и нырнуло за горизонт. Океан потемнел, и сумерки выползли из-за камней. Он пошел им навстречу, опустился перед тенями на колени и замер. Он ждал, когда вечерние тени обнимут со всех сторон и поведают ему свои тайны...

Вечер угас, настала ночь, и он стал Знающим. В нем зазвучал все тот же бесплотный голос:

– Иди в скалы, подальше от людей. Тебе будет дано высшее знание. Примешь его, распорядишься им и претерпишь все, тогда взойдешь к вершинам, а пока ты в начале Пути. Ступай, Избранник!

Он ушел. Забрался в глухие места и между скал обнаружил неприметную площадку. Там и остановился. День провел в отрешении, как на берегу океана, а когда солнце скрылось за горизонтом, принял в себя знание сумерек, и вместе с ним в него вошло

Лестница имен

«Ты поднимаешься по ступеням лестницы имен. Имя – это состояние жизни, в котором ты пребываешь в каждый момент бытия. Ступень имени открывает сердечную готовность принимать и понимать мир.

В человеке заключена вся лестница, но многие ли достигают вершин? Тебе дается возможность пройти сквозь испытания и подняться. Высшие ступени доступны избранным, ты из них... Ты избран по рождению, но оттого испытания твои будут тяжелее. Как пройдешь их, и с каким грузом достигнешь вершин – это определит твой успех... Но сначала слушай и запоминай:

Первая ступень-имя – «Ствол-дерево»

Ствол, как опора для кроны, которая принимает силу солнца и передает ее в ствол. Человек-ствол подпирает вознесшуюся крону. Но она лишь связь с горним миром – не более и через нее в стволы вливается знание ниоткуда. Когда оно проникает в человека, тот просыпается ненадолго, но скоро снова впадает в дремоту подпирающего ствола. Это состояние может быть деятельным, пронизанным упорством и страстями, но все остается глубоким сном.

Вторая ступень-имя – «Муравей-Жук»

Это начало движения, ибо появляется иное восприятие жизни. Общий разум ведет муравья, но держит в единении с муравейником. А тот наполняет муравья потоком естественной мировой силы. Муравей не сам по себе. Он – проявление разума муравейника.

Другое – жук! Он сам в потоке, но далек от свободы. Он выше муравья, но не может переступить рамки, обозначенные потоком. И пока он действует в них, воля потока защищает его. Но стоит ему задуматься над природой воли – будет исторгнут, поскольку размышление может открыть глаза.

Жук – это изменившийся муравей. Он смотрит на муравейник иными глазами, но он возрос на той же основе. Она удерживает жука в русле главного потока, имя которому Догма. Он пытается противостоять муравейнику, а тот обороняется, и жука могут загрызть множественные солдаты.

На место павшего, придут новые жуки и противостояние продолжится. А его могло и не быть, ибо представители этого уровня выросли от одного начала. Жук, опираясь на силу муравейника, обрел возможность взглянуть на жизнь по-новому. Если бы жуки и муравьи объединились – то смогли бы одолеть и серьезного противника. Пока же они заняты борьбой друг с другом!

Люди ступеней дерева или муравья пропитаны страхом

потери жизни и не видят вокруг себя чудесных возможностей. Жизнь кажется им единственной ценностью, в которой они ищут духовное движение... Все, что не согласуется с их взглядами, вызывает раздражение, ненависть и отторжение. Но остается лазейка любопытства. Они яростно борются за чистоту и неприкасаемость своих догм, но многие тайно заглядывают в щелочку, оставленную любопытством...

Оламер и не заметил, как розовым подернулись верхушки скал, закрывавших от него солнце. Он взглянул на небо и вместо привычной голубизны увидел тяжелую тучу. Хотел удивиться, да не успел: туча на глазах из грязно-серой превратилась в сияющее облако, оно клубилось и в центре образовалось отверстие. Сквозь него не ведуна излился луч и снова зазвучал голос:

Третья ступень-имя – «Волк»

Страх перед волком испытывают люди – стволы, муравьи и жуки, оттого что чувствуют его умение пользоваться возможностями, которых они не обрели из-за нежелания выйти из привычных рамок. Волк всегда пребывал вне их. Люди могли понять и принять зверей, либо отвергнуть и оболгать. Людские воззрения созидают мир вокруг. И человеческий страх превратил животных в злобных хищников. Большинство людей считает волка кровожадным порождением тьмы. А он – связующее звено...

Волк – это уникальное соотношение ментальных, энергетических и физиологических возможностей потока Земной силы. Умные, ловкие, деятельные и энергичные... Они могли стать сподвижниками человека. Но люди не приняли союзников. Часть их одомашнили, вложили им ненависть к бывшим сородичам, сделали врагами. Остальные звери, превратились в измененных людским страхом тупых, жестоких особей.

А изначальный волк – это животное, наделенное громадными способностями. Он может совместить поток силы Земли с потоком духовного порыва человека. И человек мог бы соединить огонь творческого поиска со скоростью, ловкостью, пониманием глубинной тайны жизни. Но люди-стволы, муравьи, и жуки отвергли возможность союза с иной жизнью. Они сочли волков врагами и не хотят, чтобы зверь стал переходным звеном. Страх довлеет над людьми, и они не могут искренне открыться тем, кто помог бы им стать неразрывным целым с потоком земной силы.

Четвертая ступень-имя – «Медведь»

В человеческом восприятии – это зверь. Но он – живое олицетворение силы Земли и мощи Неба. Он способен посвятить в силу. И во имя силы не придется жертвовать Духом. Посвящение поможет пройти сквозь знакомую дверь в мир великой жизни.

Медведь – это имя, отмечающее переход с одной ступени развития на другую. Сила, которой кичатся многие – ничто по сравнению с мощью, открывающейся на ступеньке Медведя. Внешние проявления силы отступают и перед взором взошедшего открываются океаны духовной мощи.

Но это только приближение к истинной силе, за которой путь в мир изначала. Истинная сила способна открыть сокровенный Путь, где каждый обретет Великое чувство современности. Тогда созидание становится творением, разрушение – очищением места для нового. Свет осознания наполняет жизнь. И появляется понимание предопределенности! Ступень Медведя – это понимание Мира в себе и себя в Мире!

Пятая ступень-имя – «Лебедь»

Духовный взлет, чистота, умение любить и сохранять верность своей любви. Готовность и верность – это способность отделить все лишнее и за горизонтами силы увидеть Свет любви, впустить его в себя и наполниться любовью. Крылья духовного взлета лебедя, помогают преодолеть груз стереотипов и подняться над привычным. Взлет и подъем бесконечно расширяют возможности прозрения и позволяют заглянуть за горизонт отодвинутых стереотипов. Но заглянуть – полдела. Важно войти туда и стать со Светом одно. Тогда увидишь Путь, ведущий к следующей высоте.

Восхождение

Луч исчез, и ведун словно пробудился от грез. Снова над ним клубилась туча, и казалось, что вот-вот она прольется дождем. Однако повеял ветерок и отнес тучу в сторону. И солнышко брызнуло на ведуна. Он принял его свет и почувствовал внутри умиротворенное тепло и тишину. А потом словно провалился... Он перестал чувствовать себя, исчез, но какие-то отголоски ощущений еще жили в нем, и он понимал, что происходят громадные перемены. Он принимал их и тянулся к новому в себе. В какой-то миг внутренний свет померк и открылся проход в неведомое. Ведун вошел и увидел перед собой лестницу, вершина которой терялась в сверкающем тумане. Он шагнул на первую ступень, потом на следующую... И поднял ногу, чтобы шагнуть выше, но... Он открыл глаза и снова увидел вокруг голые скалы и небольшую площадку, которую облюбовал для себя. И еще (о, диво!) из центра площадки вверх вводила лестница, по которой он поднимался в видении. Ведун подошел к ней и шагнул на первую ступень. Постоял и хотел шагнуть выше, но почувствовал, что ноги, словно корни проросли в ступень и он не может оторвать их...

Огромным усилием он поднял ногу на следующую ступень. И корни отпали от него, а внутри появилась легкость. И еще он увидел, как стремительно растет мир вокруг. Все ста-

новится огромным, и неожиданно понял, что не мир начал расти, а он стал сжиматься. Ведун рванулся выше и успел перескочить на новую ступень. И все изменилось. Он чувствовал поток мощи и необычный запах... А внутренний поток уже толкал его выше, и ведун скакнул вверх.

Последние две ступени дались ему легко, а на границе сверкающего тумана он замер. Страшно стало: что там, в неведомом и непонятном. И все же собрался с духом, и нырнул в туман...

Поначалу ничего не происходило. Но скоро радужная пелена окутала разум, и вновь зазвучал глубинный голос:

– Прими сокровенное и пойми его суть. Тебе предстоит взойти к вершинам, но после испытаний. Знание Пути останется в тебе, но ты забудешь обо всем, чтобы вспомнить в страданиях и борьбе. А пока просто внимай...

Шестая ступень-имя – «Оборотень»

Сказания наделяют его злобным нравом, умением перевоплощаться в зверя и в этом облике нападать на людей. Но достигший ступени оборотня никогда не примет звериный облик, ведь соединение лебединого взлета и медвежьей силы рождает новое качество: чувство изначала. Ощутивший его, избегает крайностей. Тщеславие и сребролюбие не довлеют над оборотнем. Он принимает в себя силу светлой и темной сторон жизни и в их соединении слышит сердечный

зов изначально. Оборотень, соединившийся с изначально, может открывать в себе любое имя. Но редко проявляет эту возможность, ибо прикосновение к изначально открывает глаза на сокровенный смысл жизни. Зная ее, зачем ходить по лестнице имен? Оборотень становится знающим и обретает готовность к изменению жизни вокруг себя! Но какой ценой? Быть может, он увидит, что тот, кого почитал, любил, считал близким, окажется другим и сквозь покров единомыслия проступит глупость, одетая в тогу мудреца? Быть может! Но, поняв несоответствие, оборотень остается в ровном состоянии Духа, ибо открывается Путь к седьмому имени.

Седьмая ступень-имя Волхв – «Человек»

Все ступени лестницы имен пройдены. В этом и заключен смысл седьмого имени. Идти некуда, да и не нужно, ибо реализовано все, ради чего поднимался так высоко.

Поднявшийся на ступень Волхва, понимает: она и есть Великий предел, что разделяет «жизнь» и «нежить». Весь предыдущий путь прошел в «нежити». Появилась возможность шагнуть в «жизнь». Но так трудно сделать последний шаг? Жизнь казалась оборотню грузом, который виснет на ногах. Но это испытание, ибо важно принять всех людей, как Учителей. Их несовершенства нужно рассматривать с благодарностью, ибо они даны для испытания духовной состоятельности и готовности к следующему шагу. Взошедший

к седьмому имени сам оценивает себя и свою готовность к последнему шагу. А она появится, когда придет прозрение любви, а окружающих примешь как малых и неразумных! Сами не ведают, что творят! И тем заслуживают не порицания, но любви!

Можно стоять на пороге и бояться сделать шаг, который вознесет к невиданным вершинам. Страх этот понятен, ибо Волхв обретает возможность, не избавляясь от тела, войти в иную жизнь. Ведь переход в иное качество кажется крушением. Это действительно гибель болотной сущности, что заставляла трепетать при мыслях о смерти тела. Иное качество поможет перевести и Дух, и тело на такой уровень, когда привычные угрозы мира воспринимаются с усмешкой. Ведь тело – это только малая часть вечной сущности, достигшей порога «жизни».

Волхв, постигший мудрость «жизни», стоит перед выбором: уходить или же остаться в мире, чтобы невидимым Учителем помогать ищущим... Это решение Волхв принимает, сознавая ответственность за тех, кто делает первые шаги на Пути Восхождения. Волхв помогает им и обретает новое качество – Человек. И остается возле людей, чтобы быть Проводником Высшей Воли, осенять ею людей и наполнять их сердца радостью сопричастности к вершинам бытия...

Отзвучал голос, и ведун провалился в свет. Благодать, нежность, тишина и счастье... Он растворялся в нем, и чем меньше ощущений тела, тем острее ведун чувствовал, что

вынужденное пребывание в Прибрежье завершается, уютный, родной и надежный дом открывается перед ним. Дом, из которого он много времени назад ушел и окунулся в людскую жизнь. А теперь возвращается... Он уже миновал порог и входит в покои...

Зрение возвращалось медленно. Сначала он видел просто серую пелену, а потом она обрела контуры и проявилась унылыми скалами. На их верхушках еще играли отблески заката, но в котловине уже залегла темень, и Ведун привычно отметил, что перед уходом отсюда надо будет слиться с тайной ночи...

Какая тайна ночи! Ведь он был дома! Дома!!! А может, все только показалось? Скорее всего... В молитвенном экстазе он прикоснулся к плащу великого Джянги, вот и помнилось невероятное... Он – Ведун племени и ему нужно возвращаться, чтобы править привычные дела рода. А видения? Видения помогают ему в общении с Богами и духами.

Однако, пора в обратный путь, иначе до рассвета не обернется.

В душе еще щемило недавнее переживание, но он усилием задвинул его в какие-то сокровенные уголки и пошел. В разуме полыхали дальние зарницы пережитого. Но с каждым мгновением они затухали, и поволока житейской памяти скрывала откровение.

Наречение

Это случилось много лет назад: воины вернулись из похода и привели женщин. Так было всегда. Своих женщин в племени не было. И в том был Великий Замысел Джянги. Он хотел, чтобы люди рода сеяли свое семя везде, а потому они всегда приводили женщин. Женщины жили в роде свободно. Одни совсем недолго и при первом же удобном случае убегали. Беглянок не преследовали. Убегая, они разносили семя рода и помогали ему распространяться...

Другие приживались, становились женами. Но всегда женщины рождали только мальчиков. И в этом было древнее правило: рождаются мужчины, приводят избранниц, у которых тоже рождаются мальчики...

Очередное возвращение воинов не отличалось от других. Но Оламер запомнил его. Врезалось в память ничем не примечательное событие. Он помнил его, наверное, потому, что через год случилось...

Он знал, что однажды родится девочка. И это будет началом конца. А может, началом новой жизни... Это уж как посмотреть! И вот ...

– Оламер! Спустись к нам! – люди кричали ему снизу, с полосы песка возле прибрежных скал. Он посмотрел на них из окна вырубленной в скале комнаты. Внизу мужчины окружали женщину, которая держала на руках ребенка. Они

смотрели наверх и ждали его ответа. У него тревожно заби-лось сердце: «Неужели сбывается предреченное?»

Он вышел на площадку перед своей пещеркой, успокоил сердцебиение, а потом начал спускаться по тропинке вниз.

Люди обступили его и заговорили разом. Он поднял руку, и все затихли. Он спросил:

– Что у вас случилось? Что вы хотите от меня?

Вперед вышел рослый мужчина и заговорил:

– Оламер! Ты помнишь, как прошлой весной мы уходили в поход на полночь? Мы были там долго, и много наших осталось среди тех людей. Там много женщин, и им не хватает мужчин. А многие подружки пошли с нами...

– Да, я помню, вы вернулись с женщинами, и ни одна не ушла от нас...

– Моя родила мне, посмотри...

Мужчина взял дитя на руки, а женщина развернула ткань, в которую был завернут младенец. Оламер посмотрел на ребенка и замер. Мужчина держал в руках девочку. Такого раньше не было. Всегда рождались только мальчики, и Оламер вспомнил древнее предсказание: когда в племени родится девочка – это знак грядущих тяжелых испытаний для людей рода.

Он смотрел на девочку и пытался проникнуть в ее судьбу. Но наткнулся на стенку. Крохотный ребенок не пускал его в свою судьбу. И он понял, что рождение девочки не случайно. Пришла пора, и Воля Джанги сотворяется на земле. Он сно-

ва попытался войти в ее судьбу, и снова наткнулся на стенку. Туда ему ходу не было. Он силой взгляда двигал камни и проникал сквозь время и расстояние. Для людей он был посланцем Джанги на земле... Но тут он ничего не знал и даже на миг вперед не мог ничего увидеть!

– Оламер, ей нужно имя! Такое, чтобы все знали, что она первая в роду девочка! Женщина не со стороны, а наша!

– Я нареку ее! Только дайте мне время. Для нее нужно особое имя!

Он замолчал и сосредоточился. Привычно нашел внутри место тишины и, погрузившись в него, спросил:

– Какое имя ей дается твоей Волей?

– Произноси одно за другим, сам увидишь, – услышал он в ответ.

Он взял ребенка на руки и ощутил теплую тяжесть детского тельца. Потом начал едва слышно называть все, какие знал, женские имена. Но девочка лежала спокойно и только жмурилась от яркого света. Он перебрал все, но так и не понял, какое имя дать ребенку. И неожиданно вспомнил, как три лета назад воины привели странную женщину. Волосы у нее были как крылья ворона, лицо холодное, будто высеченное из белого камня, а в глазах плескалась печаль. Он разговаривал с ней, как и со всеми женщинами, которых приводили из походов. Он сказал ей, что она не пленница и свободна. Ей нужно только выбрать воина и родить от него мальчика. Если ей понравится в племени – она может остаться. Если

нет, то после того, как младенец откажется от груди, она может уйти. Никто ее не будет удерживать.

– А ребенок? – спросила она.

– Он останется с нами! Таков закон Джянги!

– А твой Джянга жестокий! Разве можно отнимать дитя у матери?

– Никто не отнимает. Живи с нами, и расти своего сына.

– А если я не хочу?

– Оставь сына и иди, куда тебе хочется!

Они еще поговорили, но ему так и не удалось убедить черноволосую в том, что в их племени нужно жить по их законам. Она не стала выбирать себе воина, не захотела делить ложе ни с кем. Она целыми днями стояла на высоких скалах и смотрела в голубую даль, где Великая вода соединялась с небом.

Ей приносили еду, но она отказывалась от пищи. А когда сильный и ловкий воин решил сам предложить ей себя и коснулся ее плеч, она вздрогнула, повернула к воину искаженное злобой лицо, что-то крикнула на своем языке и, сильно оттолкнувшись от скалы, полетела вниз. Между скалой и водой была полоска песка. Туда и упала черноволосая. Тело ударилось о плотный песок, подскочило, перевернулось в воздухе и вновь упало головой в воду. Мужчины бросились вниз, а следом спустился и Оламер. Женщина еще была жива. Он коснулся ее руки и почувствовал, что смерть уже обняла ее. Он мог бы отогнать смерть, когда бы сама женщина

хотела жить. Но она не хотела. Внутри у нее радостно трепетало в ожидании, когда закроется последняя дверца между этой жизнью и той, что ждет каждого за порогом реальности. Она смотрела в глаза Оламеру и молчала. А потом еле слышно произнесла:

– Меня звали Овела! – и умерла.

Вот это имя и вспомнил сейчас ведун. Он осторожно произнес его, словно пробуя на вкус. И ребенок в его руках вдруг замер. Девочка насторожилась, словно услышала что-то очень важное. А потом, когда он еще раз повторил имя, засмеялась. Крохотный, почти невесомый кусочек плоти радостно смеялся. Такого никто еще не видел. А смех оборвался также неожиданно, как и начался. И снова на руках ведуна лежала крохотная девочка, первая девочка их племени!

Со стороны могло показаться, что ведун шептал какие-то заклинания, а потом девочка рассмеялась. Люди так и поняли действия ведуна. А потому, когда он произнес:

– Нарекаю ее Овела! – Никто не сомневался, что имя дано свыше! Да так и было!

Сколько лет прошло после рождения девочки? Но Овела не дождалась подруг. Она провела детство с мальчишками. И среди них была самой отчаянной и решительной. То ли старалась доказать всем, что она ничем не уступает мальчишкам, то ли не понимала, что ее отличает... А потом... Природа сделала свое. Начали округляться формы, появилась несвойственная ей раньше стыдливость. Теперь если во время игр

кто-то хватал ее за грудь, она резко отбрасывала случайную руку, и могла избить товарища...

А однажды Оламер увидел, как двое мальчишек скрутили ей руки за спиной, а третий непослушными пальцами пытался развязать кожаный пояс на ее штанах. Он оттащил мальчишек за волосы. Те со страху чуть не обмочились и мгновенно скрылись за большими камнями. Овела поправила одежду, посмотрела на ведуна внимательно и даже будто с вызовом, а потом усмехнулась и пошла за те же камни, куда убежали мальчишки.

Вечером мальцы вернулись избитыми. Овела показала, что никому не прощает обид. С тех пор никто к ней не приставал. Вроде отстояла свою независимость, но юноши уже сторонились ее. Они жили по старым правилам, и когда приходила пора, начинали собираться в поход за женщинами... А куда было ей собираться? Но девочка была не простая, очень непростая. Она сколотила команду таких же, как и сама, бесшабашных удальцов. Они отказывались идти в поход за женщинами, они хотели странного! Вначале они пришли в пещерку к Оламеру. Она вышла вперед и спросила:

– Знающий, расскажи о людях, что ушли на полдень. Я слышала, что это было давно, но ты ведаешь это!

– Да, ведаю! Только вам это зачем? То было еще когда в племени был другой ведун! При нем все и случилось, а я знаю только то, что получил по наследству.

– Скажи нам. Мы знаем, что они ушли на помощь попав-

шим в беду.

Оламер посмотрел на молодых и понял, что они замыслили. Идея родилась у Овелы, и она собрала вокруг себя сподвижников. Все уходило в поход, и ей тоже надо было идти. Но куда? Подчиниться женской судьбе она не могла. Ждать, когда вернется из похода ее мужчина. И неизвестно еще, один или приведет женщину. Да и кого ждать, не было в племени юноши, кто хотел бы сделать ее своей. Может, и были, да вслух это говорить боялись.

Он задумался на миг, но потом заговорил:

– Когда-то наши предки жили далеко на полночи! Там подолгу было светло, а солнце закатывалось один раз надолго! Но там было хорошо! В селениях были свои солнышки, и они светили всем. Люди были большие и сильные и знали столько, что любой Ведун мог им только завидовать. Их жизнь была длинной.

А потом пришла чуждая Сила. Предки не знали ее и не смогли ею управлять. Но нашлись те, кто хотел покорить Силу, но не смогли сделать этого. Они нашли другую Силу. Ту, что сначала подчинилась им, а потом подчинила их себе. Они стали ее заложниками, пленниками. Сила заставила их уйти на полдень и осесть там. Они поклонялись Силе и почитали ее превыше всего остального. Но Сила вышла из-под их власти! Сначала она разрушила дома и селения, а потом пробралась внутрь и начала рассыпать сердца. Тогда вмешались люди полуночи. В сердцах людей основа, и когда они

рассыпаются – рушится внутренняя опора. Они вмещались, но Сила в полуденном царстве стала самодовлеющей. Она уже не подчинялась никому. Люди полуночи хотели усмирить Силу, но столкнулись с ее отчаянным сопротивлением! И была битва. А после уже никто не мог соперничать друг с другом. Обе стороны оказались обескровленными и пустыми. Предкам нашим оставалось только убраться восвояси. Тогда на Землю пришел народ Бури. Никто не знал его раньше. А народ этот злобный и хитрый стремился подчинить себе оба наших народа.

– А почему их так называли?

– Потому, что на землю их приносит буря. На крыльях ветра, за поволокой дождя приходят они незамеченными, чтобы здесь творить свое...

– А что им нужно? Чего хотят люди бури?

– Не ведаю того! Знаю только, что они хотели выпустить усмиренную Силу.

– А потом?

– Опять налетела буря. Она с корнем выдирала целые леса и на Великой воде катила огромные волны. А когда стихла, людей Бури уже не было. Они ушли, но оградили страны полудня непроницаемой завесой. Посмотреть, так и нет ничего, но из нашей земли попасть туда мы не можем.

– Ты же Ведун! Неужели нет пути?

– Путь есть, но долог и далек! Сначала надо идти на полночь, потом на восход и так три весны кряду. Вот тогда от-

кроется иной путь! Но этой дорогой еще никто не хаживал...

Овела упрямо тряхнула головой. Она смотрела на ведуна с гневом и вызовом, будто это он запер людей на полудне.

– Мы найдем путь сквозь стену! Мы не хотим идти в поход за женщинами! Мы хотим объединить народы.

Оламер опустил глаза и промолчал. Он понимал, что стремление помочь людям на полудне искреннее, но для такого похода у них нет ни сил, ни опыта. И он сказал:

– Не гневайтесь, но вам не одолеть стену! Сложите свои головы, но и шагу не сделаете сквозь нее. Она неприступна для вас...

– Но ты же знаешь, как ее преодолеть?

– Увы, это и мне неизвестно! Я знаю все, что было на нашей земле. А стена – это тайна людей Бури. Они появились неизвестно откуда и также сгинули. Кто они, кому служат, в чем их тайна – того я не ведаю.

– Разве можешь ты чего-то не знать? – удивилась Овела.

– Да, могу! Я человек, которому доверено служение Джянге. Но я человек! А народ Бури – выше моего понимания.

Овела вскинулась и гневно сказала:

– Мы сильнее Бури, мы сможем прорваться к братьям!

Ведун хотел возразить, но не успел. Овела ткнула в него пальцем и сказала с надрывом:

– Вы слабы и трусливы! Нам повезет, потому что мы сильные и смелые!

Она выскочила из комнаты, а следом вышли ее сподвижники. Оламер грустно смотрел им вслед. Молодость бездумна и решительна, но он-то знал, что их затея провалится. Нельзя было штурмовать стену одной решимостью и смелостью. Чтобы сломать ее, нужны знания, а их у ведуна не было. Да даже если б и были! Разве послушались бы его молодые и отчаянные...

Когда они ушли, Оламер остался у окна, и синяя даль явила внутреннему взору, как храбрецы высаживаются на горячий песок далекого берега, и навстречу им бегут чернокожие люди. Они что-то кричат, но не могут приблизиться к приплывшим. Между приплывшими и чернокожими стена. Невидимая, прозрачная, но непреодолимая преграда. И те, и другие пытаются прорваться сквозь нее, но всякий раз натываются на упругий воздух, который отбрасывает их назад. По прозрачной поверхности невидимой стены изредка пробегают блики. Два отряда пытаются прорваться сквозь нее, но только зря расходуют силы.

Казалось, что стене надоели бесплодные попытки людей, и в ее основании завихрился песок. Он скручивался в тугие струи и скоро превратился в ревущую тучу. Начинаясь песчаная буря, и людям с лодки пришлось отступить. Они уходили от стены, а песчаное облако грозно гудело и наступало на них. Они погрузились в лодку и стали выгребать от берега. Когда лодка отошла подальше, спокойная прежде вода, вдруг забурлила и неожиданной волной ударила в борт. Лод-

ка накренилась, а с берега на нее уже неслась ревущая песчаная туча. Море до последней минуты спокойное, взбунтовалось. Невесть откуда поднялись волны и швыряли лодку, будто щепку. Черная туча закрыла солнце, и мела песчаным ветром, обдирая кожу полуобнаженных тел. Песок забивался в складки одежды, проникал под кожаные доспехи, в мгновение ока натирал тело до кровавых волдырей.

Путешественники боролись со стихией, отчаянно выгребали веслами, пытаясь поставить лодку носом к волнам. Одна из них подняла лодку на своем горбу, резко бросила ее в пропасть между водяными холмами и ударила в борт. Лодка перевернулась, люди посыпались из нее как горох, и беспомощно барахтались в бушующих волнах... Кожаные доспехи набухали, становились тяжелыми, тянули ко дну. А на поверхности моря бушевал ураган. Откуда он взялся – неизвестно. Ураган налетел внезапно и трепал волны, бросал их друг на друга. И в кипении столкнувшихся водяных гор гибли люди. Вот один последний раз посмотрел в бездонное небо и нырнул навеки, за ним другой... Вода всасывала людей в таинственные глубины, откуда не было возврата. А ураган пролетел в стремительном беге дальше, и море постепенно успокаивалось. Волны становились меньше, сила их угасала, и море затихало...

Такой же!

Ночью он ходил на скалу моления. Долго стоял там, пока сознание не растворилось в окружающей темноте. И он увидел то, что спрашивали молодые. Великий Джянга показал ему: в разных местах и на разной глубине зарыты какие-то багровые кубики. Это они дают силу стене. Но найти их и выкопать невозможно! Они укрыты так, что добраться до них не дает стена, а чтобы прорваться сквозь нее, нужно разрушить хотя бы половину кубиков. Люди Бури надежно защитили свою постройку. И главное, Оламер так и не понял, что нужно сделать, чтобы победить эту стену. Мелькнуло на окраине сознания что-то, но...

Он спустился к кромке океана и пошел к своей пещерке, как и всегда, дальним путем, но вдруг почувствовал внутренний толчок. В нем появилось новое знание. Он остановился и сосредоточенно прислушался к себе. Он ждал, что поймет тайну стены, и был настроен на это. А в воображении возникла голая Овела. Оламер досадливо поморщился. Он зачеркнул в себе все мужское, он служил Джянге и был Знающим. До женщин ли. Да и в походы он не ходил, чтобы приводить себе подруг. Однако видение не пропадало. Он постоял еще немного и пошел по берегу дальше. Но едва сделал несколько шагов, как видение повторилось. Только было оно реальным и живым. Овела испупалась в океане и те-

перь стояла голой в лунном свете. Он видел точеное тело. Овела была очень красива. Ведун остановился нерешительно. Он хотел подождать, когда девушка снова пойдет в воду и прошмыгнуть по берегу незамеченным. Но она встала в нескольких шагах от него, подняла руки к лунному небу и запела древний гимн. Он знал – эту песнь пели, когда уходили в опасный и трудный путь. На берегу никого не было, и Овела чистым и звонким голосом, без ненужной хрипотцы, пела древние слова.

Оламер замер. Он неожиданно понял, что мужское в нем не зачеркнуто окончательно. Оно пробудилось и начинало туманить голову. Он легко подчинил воле неосознанный порыв. А девушка, видимо, почувствовала чье-то присутствие. Она медленно опустила руки, потом как кошка метнулась за камень и вышла оттуда уже с ножом в руке.

Лунный свет заливал берег. Овела узнала ведуна и удивилась:

– Что ты здесь делаешь, Знающий?

– Я шел со скалы моления и вот наткнулся на тебя...

Облитая лунным светом, девушка словно прозрачная, светила изнутри. Ведун не мог оторвать от нее глаз, и она заметила это:

– Что, нравлюсь? – ехидно спросила она. Ведун только кивнул. А она подошла к нему, прижалась нагим телом и потерлась щекой об его щеку. И столько в этом прикосновении было нежности тепла и доверия, что Оламер даже задохнул-

ся от подступившего к горлу чувства. А девушка отскочила от него и радостно запрыгала:

– Такой же! Такой же!.. – потом добавила, – И ты такой же, как все, Знающий! Только притворяешься, что не мужчина!

Она, с вызовом рассмеялась и юркнула за камень. Оламер услышал скрип ее шагов по песку. Она уходила... Наверное, он мог бы ей объяснить... Но что и как? Он и сам не ожидал, что мужское в нем вспыхнет так неожиданно. И потом, почему он должен объяснять что-то этой девчонке! Джанга знает, какой он на самом деле, а все остальное для Знающего неважно. Однако путь до своей пещерки он прошел в мыслях о том, что случилось на берегу. Невольно трогал щеку, где ее коснулась щека девушки, вспоминал запах ее мокрых волос. Он был в недоумении: он даже не думал о подруге, а тут случайная встреча на берегу разом разрушила душевный покой. Ночью он молился и сквозь волны молитвенного восторга, внутри прорывался другой восторг, скорее даже телесное счастье от бывшего прикосновения.

Утром молодые уходили на полдень. Длинная стремительная лодка стояла наготове. Люди на берегу прощались с отрядом. Оламер видел, как мать прижала лицо к плечу Овельи и стоит молча, боясь пошевелиться. Отец девушки погиб недавно. Для племени дело обычное, но у него была дочь, а не сын. Сыновья возвращались из походов с женщинами, а потом матери возились с внуками. А тут девушка уходила, и неизвестно, вернется или нет, а мать оставалась одна, и ни-

кто не даст ей внука.

Овела отстранила мать и подошла к ведуну:

– Ты, такой же, как все мужчины. Я хочу от тебя ребенка. Когда мы вернемся, ты станешь отцом моего сына, Оламер!

Она не спрашивала, не просила. Она утверждала, твердо веруя в то, что так и будет. Что он мог ей ответить? Он знал, что видятся они в последний раз. Она погибнет на полудне, утонет в бурю. Он знал это, но против своего обыкновения – молчал. Он понимал, что девушка не послушает его и уйдет. Она верила только себе. Знающий стал для нее мужчиной. Он коснулся пальцами ее щеки. Она вдруг прижалась к его ладони, а потом резко вскинула голову, повернулась и, не оглядываясь, пошла к лодкам.

Встреча с нелюдьми

Ноги у коня подогнулись, и он с жалобным ржанием упал на землю. Оламер едва успел высвободить ногу из стремени и соскочил с падающего животного. Конь уже не поднимется. Он загнал его. И теперь на пустынной дороге, вдалеке от родных скал он стоял над издыхающим конем. Что он мог? Добить коня, чтобы тот не мучался? А дальше? Где он остановился? Оламер огляделся по сторонам, и сердце нехорошо екнуло. Это место даже отряды воинов старались пройти быстрым шагом. Здесь жили нелюди, и бороться с ними в племени не умели. Да и как сражаться, когда нелюди не обращали внимания на раны, шли напролом. Остановить их можно было только размозжив голову дубиной. Но на место убитого тут же вставал другой, словно прятался за спиной поверженного...

Много лет тому назад воины пытались изгнать нелюдей с их земель. Но все попытки окончились плачевно. Отряды племени были измотаны и еле ушли с поля боя. И только потому, что нелюди их не преследовали. Страшные рассказы ходили об этих тварях, но на границах их земель и владений племени было спокойно. Нелюди никогда не нападали первыми и отчаянно дрались только защищаясь. Однако это было известно немногим, а большинство знало о нелюдях только по страшным рассказам об их жестоком коварстве. Удоб-

но то, что не понимаешь сделать враждебным и тогда не нужно думать и анализировать. Можно просто убивать.

Оламер относился к немногим знающим. Но знать – одно. А вот оказаться на пустынной дороге одному, среди мрачных скал... Ему было неуютно, тоскливо, но ничего не оставалось. Что-то предпринять в этой ситуации он не мог. Он сел на камень и стал ждать развязки. Раз уж великий Джянга решил отдать его во власть нелюдям, нужно принять свою судьбу... Но судьба не спешила. Вечер сгустился, и сумерки пали на дорогу, скрыли труп коня, чернотой залили придорожные канавы, стерли границы света и тьмы. Ночь вступала в свои права. Оламер знал тайны ночи и потому обрадовался ее приходу. В сумерках не было той силы, что помогла бы ему. А у ночи такая сила была. Оламер выбрал густой мрак в каменной нише возле дороги, вошел в нее и всем телом ощутил прохладное прикосновение ночной темноты. Он раскрылся ей навстречу и прохладная, чуть влажная темнота заполнила кожу. Теперь он стал частью мрака, и никто не смог бы его увидеть. И все же шаги возле скалы заставили его спрятаться в нишу поглубже и прижаться к стене. По дороге кто-то шел. Оламер замер, сосредоточился и словно сети раскинул над дорогой, пронизав своими чувствами пространство.

Шли двое. Один большой, могучий, как лесной зверь, а рядом – другой, судя по всему, маленький. Большой подошел к труп коня и проговорил:

– Видишь, загнал коня, а для чего? Потому что считают эти места колдовскими, и нас боятся...

– А почему они нас боятся?

– От глупости! Думают, что раз мы не такие, то им враги. Но ты же знаешь, что это не так...

– Знаю, а почему этот во мраке от нас прячется, хотя его видно, как днем?

– Я же говорю, от глупости. Возомнили о себе... Думают, что знают великие тайны! А их великие тайны для нас давно игрушка...

– Значит они – бестолковые?

– Да нет, толковые, только ведут себя хуже малых детей.

Оламер чувствами, раскинутыми над дорогой, ощущал, что нелюди что-то делают с трупом коня. Тучи на небе разогнало, и выглянула луна. Она озарила блеклым светом дорогу, высветила нишу в скале, где прятался Оламер и две фигуры возле туши.

Сначала Оламеру показалось, что двое хотят разделать ее. Он видел в их руках длинные и широкие ножи. Но когда луна окончательно очистилась от туч и залила все вокруг призрачным светом, ножей в руках парочки уже не было. Туша оказалась ровно разрезанной пополам. Они взгромоздили одну половину на другую, встали по разные стороны от нее, развели руки, будто хотели обняться через тушу. И вдруг там, где только что лежал мертвый конь, разгорелось сияние. Не было огня, треска, шипения. Павший конь светился и лучил-

ся нежным фиолетовым светом. И туша его постепенно таяла, словно свет растоплял ее, как весеннее солнце топит зимний снег. Совсем немного времени минуло и от трупя коня не осталось даже следа. А двое нелюдей постояли еще возле этого места и медленно отошли. Маленький спросил:

– Позвать его с нами?

– Покажи ему, что видишь, но не тащи за собой. Он испугается и станет совсем глупым. Они от страха сразу глупеют и хватаются за свое оружие.

– Это такие железные палки?

– Да, когда-то все мы с такими ходили. А теперь вот видишь... Снова с ними встречаемся, только они уже в других руках...

Маленький нелюдь пошел прямо к нише, в которой затаился Оламер. Ведун напрягся и ждал, когда приблизится маленький. О чем говорили нелюди, Оламер не понял, но ощутил, что говорят про него.... Маленький приблизился, поднял руку и с его ладони прямо в глаза Оламеру ударил свет. Он не был ярким или слепящим. Он входил в глаза и согревал изнутри, расслаблял. Он был приятен. Оламер, притянутый светом, вышел из мрака. Ключки темноты еще висели на одежде, но он уже освободился от тайны ночи и теперь стоял облитый лунным светом на пустынной дороге перед двумя нелюдями.

Маленький осторожно тронул край его одежды. Оламер неуловимым движением сунул руку в складки плаща, где в

потайном кармане всегда носил родовой нож с рукояткой из берцовой кости врага. Он нащупал костяную рукоятку и успокоился. Родовой нож был заговоренным и мог противостоять магии. А нелюдей в племени считали магами, которые забирают силу мертвых и творят потом непотребства среди живых.

Маленький снова тронул Оламера за одежду и посмотрел ему в глаза. Их взгляды могли бы встретиться, но Оламер зажмурился. Считалось, что если нелюдь посмотрит в глаза, то заберет человеческую силу, войдет в тело, завладеет им и прогонит человека.

Маленький, видимо, хотел заглянуть через глаза Оламера прямо в душу, но не смог. Оламер спрятал очи за плотно зажмуренными веками. Нелюдь потоптался около и повернулся к большому:

- Он спрятал глаза, и я не могу говорить с ним умом.
- Они всегда так делают. Не ищи его взор, он не откроет глаза. Пойдем, нам нужно успеть до рассвета...
- Мы разве не полетим?
- Темно, много высоких скал, а у тебя еще нет опыта. Пойдем, а заодно поучишься прыгать...

Нелюди говорили о чем-то, а Оламеру чудилась угроза в их голосах. Он стоял с закрытыми глазами и выжидал время. Когда маленький отвернется, он сможет ударить его ножом в шею. Это будет точный удар, наверняка. От такого нелюди падают, как подрубленные деревья. А с большим он будет

драться до последнего. Пусть знают, что великий ведун племени способен постоять за себя...

Большой вдруг напрягся и сказал маленькому:

– Не поворачивайся к нему спиной. У него нож и он хочет ударить тебя, когда ты подставишь спину...

– Ты смог пробиться к нему в ум?

– Да, но это не тот ум, который нам нужен.

– Мне показалось, что с ним можно войти в контакт, он выделяется из остальных...

– Этот лучше других, но все равно, он напуган и глуп...

– Так ли он глуп? Может быть, ты всех их оцениваешь одинаково, а ведь нужно видеть каждого! Не забывай, кто они...

– Я помню, но для того, чтобы они поняли нас, нужно избавить их от страха...

– Значит, не возьмем его?

– Нет. Он нам только помешает!

Маленький начал отступать от Оламера задом. Он внимательно смотрел выпуклыми, блестящими в лунном свете глазами. Прямо из гладкой головы торчали редкие перья, а на груди тускло отблискивал доспех с каким-то переливающимся рисунком. Оламер разглядел это, чуть приоткрыв глаза.

Нелюдь в лунном свете ни за что бы не заметил щелочки между век, а ведуну очень важно было увидеть, что станут делать нелюди.

Маленький подошел к большому, они встали лицом друг

к другу, взялись за руки и Оламер увидел, как в кольце их рук завихрился огонь. Еще мгновение, и оба нелюдя сильно оттолкнувшись, прыгнули куда-то высоко, прямо в скалы. Оламер перевел дух. Он приготовился к гибели, но хотел покинуть этот мир так, чтобы прихватить с собой врагов. А они даже не тронули его. Убрали труп коня и сами прыгнули высоко. Воины племени рассказывали об этой удивительной способности нелюдей прыгать с места высоко и далеко. Даже сами пытались прыгнуть в пылу рассказов, но у них все получалось обычно. Удивительные способности нелюдей приписали тому, что они все-таки не люди! Кто, что, откуда? Да какая разница! Враги они и этим все сказано! Мало ли во-круг тайн и загадок? Одна – это нелюди! Но разгадывать их тайны некогда! С ними надо воевать, их надо убивать! По-другому не получается... Потому что, если нелюди поймают одинокого воина или охотника, то горе ему! Украдут и разум, и тело, а потом в его облике явятся в племя. Таких, впус-тивших в себя нелюдей, сразу убивали. Племени не нужны шпионы...

На дороге послышался топот. Оламер снова спрятался в черноту ночи и заполнил ею кожу. Скоро мимо него быстрой иноходью проехал небольшой отряд с факелами. Они разма-хивали дымными огнями и кричали – звали его! Когда от-ряд проскакал мимо, Оламер посмотрел ему вслед из темно-ты: не крадется ли кто за воинами, потом вышел из ниши, и снова отряхнул с себя тайну ночи. Он шагнул на освещен-

ную луной дорогу и увидел что-то блеснувшее под ногами. Он подобрал блестящий камешек. Видимо его выронил маленький нелюдь, когда стоял рядом. Оламер сунул камешек в складки мехового плаща и сосредоточился. Снова накрыл дорогу своими чувствами и ощутил, что отряд соплеменников где-то рядом. Он послал мысленный зов и вернулся в тень скалы. Скоро раздался топот, и всадники выскочили из-за поворота. Оламер вышел им навстречу. Отряд остановился, и ехавший впереди сын вождя соскочил с коня и поклонился ему:

– Мы боялись, что нелюди утащат тебя, мудрый!

– Меня нелегко утащить, – усмехнулся многозначительно Оламер. И все в отряде поняли, что ведун встретился с нелюдями и обратил их в бегство. Это было понятно. Во всей округе не было более искусного и мудрого ведуна. К нему шли даже с дальних берегов. А пути оттуда было три дня!

Но если бы воины слышали смятение в душе Оламера! Он сказал громко: «Меня нелегко утащить!» А про себя добавил: «Особенно, когда не хотят тащить...» То, что случилось с ним на ночной дороге совсем не совпадало с рассказами воинов о коварстве и хитрости нелюдей, об их жадном желании украсть у человека его тело, а душу изгнать...

А для чего нелюдю человеческое тело? Оламер сам видел, что у них есть тела. Не такие, как у воинов племени, но есть! Большущие мертвые глаза, гладкая голова с редкими перьями и этот дурацкий доспех, едва закрывающий поло-

вину груди. Для чего им тела людей племени? Он недавно стоял рядом с ними, и они не собирались красть его тело. И не воняли они, как рассказывали воины. Пахло, конечно, непривычно, странно, будто после грозы. Но не воняло!

В общем, эта ночная встреча прибавила ведуну сомнений. Оставшись в своей пещерке один, он долго смотрел на огонек светильника и вспоминал лунную дорогу, и нелюдей, и странное исчезновение туши коня... Было о чем подумать мудрому Оламеру...

Воскрешение

Жестокий шторм разметал лодки, горячий ветер принес с берега тучи песка и сек им открытые тела, словно розгами. Люди из последних сил старались удержаться на плаву, но лодку легко, будто щепку, бросало волнами. Когда лодка перевернулась, Овела, в последнем своем взгляде в небо увидела, как из туч песка рождается злобное лицо и хохочет, глядя на гибель людей. Может, привиделось ей это в предсмертную минуту, а может, и было на самом деле... Прохладная, зеленая масса воды окружила ее со всех сторон, сомкнулась над головой. Она судорожно вздохнула, и в легкие ворвалась соленая морская вода, сознание подернулось смертной пеленой, и она услышала ровный тонкий свист. Он окружал ее. Казалось, во всем мире нет больше ничего, а только свист заполняет пространство жизни. Овела неимоверным усилием открыла глаза и увидела... Она-то ждала увидеть зеленую толщу воды, утонувших людей, обломки лодок, рыб, испуганно мечущихся между остатками крушения... Словом, последний взгляд покойника на мир... Но она увидела... Что? Ни слов, ни понятий таких в племени не было. Она плыла в светящемся тумане. А из него выглядывали странные лица: блестящие мертвые глаза, гладкие головы с редкими перьями.

– Это же нелюди! – подумала она и удивилась. Оказыва-

ется, после смерти тоже можно думать. Ведь она умерла, не могла не умереть, когда ее выбросило из лодки в бушующем море. Да и нелюди вокруг нее... В жизни такого не бывает. Нелюди сторонятся воинов их племени. Значит жизнь после смерти – это страна нелюдей? И она попала туда. Теперь у нее отберут тело и отдадут кому-то из них, чтобы они пошли на землю ловить живых...

Светящийся туман сгустился, укрыл ее, словно теплой шкурой, и она провалилась в приятную легкую тьму. Последнее, что она увидела – это растерянное лицо Оламера. Он смотрел на нее беспомощными глазами, а рядом стояли нелюди и что-то говорили ему...

Она очнулась, и, еще не поднимая век, почувствовала рядом с собой Оламера. Ведун сидел, опустив голову с длинными седыми космами. Овела осторожно прикрыла глаза, будто движение век могло растревожить ведуна. Но Оламер чувствовал все очень остро. Он встрепенулся, поднял голову и наклонился к ней. Но она притворилась спящей. Ведун внимательно слушал ее дыхание, потом потрогал руки, и она почувствовала, как в нее вливается огненная сила. Горячая волна словно хмельной напиток прокатилась через сердце, заполнила грудь и перетекла в спину. Оламер перешел к ногам, обхватил горячими руками лодыжки и замер. А Овела испытала неожиданное блаженство. Ее растворила волна силы, понесла куда-то, а потом осторожно опустила на место. Тело ее встрепенулось, и по ногам, как по трубам, полилась

сила. Она раскрывала внутри потайные закоулки, освещала и заполняла их. Скоро девушка уже не могла лежать. Она открыла глаза. Оламер замер у нее в ногах Он держал руками ее лодыжки, голова была запрокинута назад, а по рукам пробегали волны голубого света. А рядом с ним стояли нелюди и внимательно смотрели на происходящее.

Овела сжалась. Сейчас нелюди будут отбирать ее тело. И Оламер, наверное, уже давно нелюдь, иначе как он здесь оказался.

Но нелюди не спешили. Они просто смотрели на волны света, пробегающие по рукам ведуна. Потом один что-то сказал другому и тот, соглашаясь, кивнул головой. А после началось и вовсе невероятное. Тот нелюдь, что стоял ближе к ее изголовью, снял свои блестящие мертвые глаза, а следом и гладкую голову. Из-под нее на плечи упали такие же, как у Оламера, длинные седые волосы. А вместо мертвых блестящих глаз нелюдь смотрел на нее живыми и веселыми человеческими глазами. Он что-то сказал ей, но девушка не поняла. Тогда он жестами показал, что хочет дотронуться до нее.

Вот оно! Сейчас коснется, а потом тело отберет! – испугалась она, но не успела ничего сделать. Нелюдь осторожно тронул ее руку, потом плечо, а потом погладил по щеке. Прикосновение было живым и теплым. Испуг прошел, и Овела уже с любопытством смотрела вокруг. Второй нелюдь тронул Оламера за плечо, и ведун, встряхнул головой, убрал руки. А другой нелюдь тоже снял глаза и гладкую голову, и она уви-

дела, что это молодой черноволосый мужчина, очень похожий на воинов ее племени. Она вскочила на ноги, изготовилась к драке. Она поняла, что нелюди утащили тела людей ее племени и сумели украсть даже Оламера. Но она не отдаст им свое тело так легко... Пусть его сначала изуродуют в драке, а потом воруют!

Но ничего не случилось. На нее не нападали! Старший нелюдь поднял руку, и на его ладони загорелся свет. Он не слепил, наоборот, был приятен и мягок. Свет через глаза проникал внутрь, успокаивал, убирал напряжение... Она ослабела и медленно опустилась на ложе. А на чем она лежала? На простую подстилку это непохоже. Пушистый, легкий свет был под нею. Она медленно легла в него и увидела, как над нею склонился Оламер. Он заговорил, и она слушала его, преодолевая сонную расслабленность.

– Не пугайся, они друзья! Они не сделают нам плохого, поверь! Я их тоже боялся, а теперь знаю кто они и для чего здесь... Поверь... Поверь и спи... спи...

Овела закрыла глаза и провалилась в сон. Она чувствовала в теле брожение хмельных токов жизни, но не могла проснуться. Спала сладко и безмятежно, как в детстве...

Им не нужны тела

Овела проснулась, когда вокруг было темно. Она не знала, ночь или день. Лежала в темноте и слушала себя. Сначала хотела понять, есть ли у нее руки и не поняла. Потом пошевелила ими, и они отозвались, послушно выполняя все ее желания.

То же проделала и с ногами. Значит, все было на месте, целым и невредимым. Нигде и ничего не болело. Она лежала на чем-то мягком и приятно теплом, не чувствовала ни жара, ни холода. Постель была такая, что ей было хорошо. Настолько хорошо, что и встать не хотелось. Наоборот, постель убаюкивала, не отпускала, и ее мысли о том, что надо встать и посмотреть, где она и как отсюда выбраться, так и оставались мыслями. Она лениво думала, что все-таки надо заставить себя встать и осмотреться. И тут же возражала себе: а что увидишь в темноте? А потом заставила себя поднять голову, но голова закружилась, перед глазами все поплыло, и она опять упала на мягкое. И почти сразу уснула. Успела почувствовать, что сквозь нее пробегают теплые и приятые волны, и уснула. Спала ровно, без сновидений. А проснулась от голосов. Чуть приоткрыла веки и увидела Оламера. Тот разговаривал с молодым нелюдем. Слов Овела не понимала, но чувствовала, что говорят о ней. И она решилась. Открыла глаза и громко сказала:

– Оламер, ты зачем разговариваешь с ними, видишь – это нелюди!

Мужчины посмотрели на нее и заулыбались. Молодой нелюдь присел рядом с облаком света, на котором лежала Овела, и осторожно тронул ее за запястье. Овела дернулась, но вмешался Оламер. Он сказал:

– Не бойся, они ничего тебе не сделают. Им не нужны наши тела... Они хотят помочь тебе.

– Ты, наверное, сам стал нелюдь?! – с вызовом крикнула Овела.

Оламер улыбнулся и сказал странно, ей непонятно:

– Я бы хотел стать одним из них, но нам это не дано... Когда ты узнаешь все, тебе тоже захочется, но, увы, мы не сможем стать ими никогда!

– Ты говоришь страшное! Разве могут люди племени хотеть стать нелюдями?

– Не могут, потому что не знают! А я знаю и хочу, только все равно не могу!

Молодой нелюдь заговорил на их языке, и она поняла, что тот все слышал. И от этого ей стало тоскливо... А молодой нелюдь сказал:

– Ты тонула. Мы подобрали тебя, когда все вокруг либо уплыли, либо уже утонули. Никто не видел, как мы тебя спасли, и потому никто в племени не знает, что ты живая. Если хочешь, мы тебя отпустим, но в племя тебе ходить нельзя. Они сразу же убьют тебя. Ты же знаешь, как поступают ваши

воины с теми, кто побывал у нас в гостях.

– Потому что вы забираете наши тела и влезаете в них!..

Молодой рассмеялся:

– Ну зачем нам ваши тела? Мы от своих хотели бы избавиться, но пока не получается.

Овела слушала его и не могла понять, что хочет молодой нелюдь. Тело отбирать не будет, это понятно. А для чего тогда ее сюда притащили? Тонула, вот и дали бы утонуть... Она смерти не боится...

Оламер прервал ее размышления:

– Это я просил тебя выволить. Они не хотели, а я уговорил...

– Зачем? В племя нам ходу нет, а как жить дальше?

– Так и будем жить. Ты помнишь, что сказала, когда уходила в поход? Что я буду отцом твоего ребенка... Помнишь? Вот и будем жить. Я многое знаю и умею, а сейчас еще больше понял и узнал.

– Подожди, Оламер! А где мы будем жить? В племя нам нельзя – убьют.

– Здесь. Они оставят нас у себя, и ты увидишь, как у них все устроено...

– Да кто они такие, если они наши тела не воруют, к нам в племя не хотят?

– Это наши предки. Те, что остались...

Овела посмотрела на него, как на сумасшедшего. Она проговорила:

– Оламер, я, конечно, не такая умная, как ты, но даже я понимаю, что предки – это те, которые были раньше нас...

– А они и были... и сейчас есть... Я пока объяснить это не могу. Они мне рассказывали, но я не понял...

– Тогда чего мне голову морочишь! Будет он отцом моего ребенка! А ты сначала спроси, захочу я этого?

– Но ты же говорила перед походом...

– Это я тогда говорила, а сейчас раздумала. Старый ты, Оламер. Еще мой отец молодым был, когда ты состарился...

Оламер напрягся, но все же спросил:

– И что же ты хочешь делать теперь?

– А вот того молодого нелюдя полюблю! И он меня полюбит... Думаешь, нет? Я все умею, все знаю... А такой старик мне не нужен...

Она говорила громко, почти кричала, и каждое слово хлестало ведуна как пощечины. Его лицо становилось багровым, темным... Он вдруг зашатался, схватился за горло и начал медленно оседать... Овела испуганно смотрела на него. Такого она не видела и не понимала, что происходит. Ведун медленно лег и задышал ровно, размеренно. Каждый вдох пробегал по телу пульсацией голубого пламени, а выдох утекал грязным мутным ручейком...

Скоро Оламер сел, потом встал на четвереньки, а потом поднялся на ноги. Он больше не смотрел на Овелу, и она почувствовала, что сделала что-то очень плохое. Однако упрямство, злость на ведуна, и еще что-то, непонятное ей са-

мой, бушевало внутри, и заставляло говорить ему гадости... даже рот раскрыла, но не успела... Оламер повернулся к ней спиной и шагнул прямо в стену тумана, который клубился вокруг ее лежанки. Она хотела крикнуть оскорбление вдогонку, но не смогла. Горло перехватило, голос пропал, и она выдавила из себя только жалобный писк...

Она проклята!

Оламер вернулся в племя. Его не было несколько дней, но никто не спрашивал, где он пропадал. Знали, что у ведунов бывает что-то такое, тайное, когда им надо уходить из племени. И все заметили в нем перемены. Пришел он со стороны земли нелюдей. Шел медленно, тяжело переставляя ноги. Ни с кем в племени не заговорил, даже не спросил о новостях. Прошел мимо шатров и балаганов к своей пещерке, скрылся в ней и до конца дня никто его не видел.

Потом еще несколько дней кряду люди племени видели его стоящим на отвесной скале молений. Оламер смотрел куда-то в серую даль океана и не обращал внимания на подходивших к нему.

Но время лечит любые раны. Постепенно Оламер ожил, стал говорить с людьми, помогал кому советом и делом. В племени прошел слух, что был ведун в дальней полнощной земле, где собираются самые большие и сильные ведуны. И там учился своему искусству. И действительно, когда к нему приходили больные, он уже не тряс над ними дымными головешками и не обсыпал золой, как раньше. Сразу щупал разные места на теле и находил такое, что отзывалось на боль. А потом делал что-то, отчего человек сначала выл от боли, но скоро затихал и засыпал. И спал, бывало, по несколько дней. А просыпался здоровым. Славой Оламер и так был не

обижен, но после возвращения от больших ведунов (так говорили в племени) стал он великим лекарем. Помогал всем, не отказывал. Хотя, конечно, были такие, от кого он раньше отмахнулся бы, как от мухи.

От него же в племени узнали о трагической судьбе отряда Овелы. Он рассказал, что когда был в стране больших ведунов (все-таки правы оказались люди, был он там...), то узнал, что отряд Овелы погиб, частью у подножия таинственной стены, а частью в пучине моря. О ней самой он не сказал ни слова, но все и так поняли, что она сгинула вместе с отрядом. Может, мать и погоревала о бесшабашной молодке, а в племени привыкли, что люди постоянно гибнут: кто на охоте, а кто в боях. Потому и новость не вызвала особых эмоций.

Возвращения воинов из похода ждали не скоро. Отряд ушел очень далеко, к теплым рекам и путь его пролегал мимо страшных скал, где жили нелюди. А потому воины старались распределить дорогу так, чтобы пройти землю нелюдей засветло. Обычно при свете нелюди вообще не появлялись на дороге. А от тех скал до племени было уже недалеко. Поэтому так и рассчитывали, что из похода будут возвращаться медленно. Новых жен надо было сторожить, иначе по дороге половина бы разбежалась. Всегда так было, что из похода возвращались медленно, не торопились. Но в этот раз будто что-то толкало воинов, и они шли быстро, напористо. Вместо трех дней пути, они одолели дорогу за полтора, и пришли к земле нелюдей вечером. Если такое случалось рань-

ше, то ночевали на границе. Не хотели пересекать страшные скалы ночью, да и нужды такой не было. Но в этот раз все шло по-иному. Миновали границу и даже не заметили. А когда опомнились – было уже поздно. Они забрались в самое сердце опасной земли, и поворачивать назад бессмысленно. До племени было ближе. Уж лучше было идти вперед и добраться до родных скал...

Так и поступили. На небе ни облачка, и каждый камешек на дороге был освещен мягким лунным светом. Большой, хорошо вооруженный отряд двигался квадратом, внутри которого шагали жены. Поэтому каждый отвечал не только за себя, но и за ту женщину, которую вел с собой. Настроение решительное, и отряд уверенно шел к землям племени. И почти миновали уже скалы нелюдей, как увидели на дороге одинокую фигуру. Издали и не разобрать, кто там стоял. Но когда подошли поближе, то увидели погибшую Овелу. Выглядела она очень даже живой. Ни тления, ни ран на теле не было. И одета была, как принято в племени одеваться живым. А все знали, что в стране предков погибшие воины, первым делом переодеваются, чтобы их никто не перепутал с живыми... Овела стояла посередине дороги и смотрела на отряд.

И отряд остановился. Всем было ясно, что, если у нее нет ран, и она стоит тут, значит, нелюди похитили ее тело и забрались в него. И перед ними стоит не Овела, а кто-то из нелюдей в ее облике. И знали, как нужно поступать в этом

случае. Без разговоров убивать и все. Однако решимость куда-то подевалась. Воины смотрели на Овелу, а она смотрела на них. Потом спросила:

– Хороший ли поход был?

– Ты кто? Если нелюдь, то пропусти. Нас много, а ты один, и мы убьем тебя... – ответил старший воин.

– Разве вы меня не узнали? Я – Овела!

– Ты погибла в море на полудне! Мертвые к живым приходят редко, а ты пришла из такой дали. Значит, ты живая и живешь жизнью нелюдей!

– Нет, я – Овела! Я вышла к вам, чтобы сказать: нелюди нам не враги! Они очень хорошие и добрые, и им не нужны наши тела...

Вот тут все стало ясно. Овела так говорить не могла, в ней сидел нелюдь и убеждал воинов подружиться с ними... А с такими в племени всегда поступали одинаково – камнем из пращи в голову, а если не умрет сразу, то добить ножами...

Но ни у кого рука не поднималась на Овелу. И не потому, что перед ними стояла женщина. Нет. Разделение по половым признакам было функциональным. Одни добывали, другие рожали... Что-то иное, непривычная осторожность мешала воинам. И тогда старший приказал всем:

– Схватите ее! Отведем в племя и отдадим Оламеру. Пусть ведун с ней разбирается. Ему надо искать средство против нелюдей, вот на ней и будет пробовать!

Воины быстро охватили Овелу полукольцом, как не раз

это делали в походах, и оставили ей только один выход, где ее уже ждали самые сильные и ловкие. Но она и не собиралась бежать. Она ждала, когда воины приблизятся к ней. Потом спокойно стояла, когда ее связывали, и послушно пошла вместе с отрядом в племя.

К селению вышли ранним утром. Охрана заприметила их издали, и затаилась, не понимая откуда взялся этот отряд. А потом, когда узнала, приветствовала радостными криками. На шум из жилищ повыскакивали люди племени, окружили отряд, спрашивали, рассказывали о каких-то новостях... Поднялся гвалт, какой обычно сопровождает возвращение. Но старший воин поднял руку и громко крикнул:

– Мы привели нелюдя! Отдадим его ведуну!

Сразу наступила тишина. Воины вытолкнули на обозрение связанную Овелу. Ее рассматривали как удивительное животное. Будто раньше никогда не видели... А потом из задних рядов протолкалась ее мать и подошла к ней. Она шла, опираясь на палку. И когда приблизилась, почти не размахиваясь, ударила палкой свою дочь. Та охнула, упала на одно колено и простонала:

– Мама, я же дочь ваша, неужели не узнаете?

Старуха молча замахнулась и хотела ударить по голове, но руку ее перехватил Оламер. Он тоже вышел встретить отряд и увидел Овелу. Он прошел через кольцо людей и оказался рядом как раз в тот момент, когда мать хотела второй раз ударить Овелу. Оламер оттолкнул ее от пленницы, подошел

к той и резким рывком поставил на ноги. На шее у Овелы наливался багровой краснотой рубец от удара. Она посмотрела Оламеру в глаза и сказала что-то на незнакомом языке. Но Оламер не ответил. Он достал из складок плаща сверкающий родовой нож, и все ждали, что сейчас он перехватит горло нелюдю. Но нож рассек веревки, которыми она была связана. Оламер повернулся к людям и сказал:

– Она – Овела. Она не нелюдь! Я это знаю. Но она проклята! И я изгоняю ее, иначе на все племя падет несчастье. Но еще большее несчастье будет, если вы убьете ее... Дайте ей уйти, она больше никогда не появится в племени!

Овела смотрела на ведуна в изумлении. Она снова что-то сказала ему на незнакомом языке, но тот уже отвернулся от нее. Он махнул рукой, и люди расступились. Открылся проход в толпе и Оламер указал на него Овеле. Она еще не понимала, что все разговоры закончены. Она еще хотела что-то сказать, но ведун оборвал ее и снова показал рукой в сторону земли нелюдей... Овела, опустив голову, медленно пошла туда, и воины видели, как по щекам ее текут слезы. И это было странно, удивительно и непонятно. Нелюди не плакали, это знали все. И слезы подтверждали слова Оламера, что женщина не нелюдь. Однако отчего плакала Овела? Осталась жива, ведун освободил ее и отпустил. Надо бы радоваться, а она плакала.

Оламер знаком позвал за собой старшего воина и, отойдя к своей пещерке, сказал ему:

– Она будет бродить в окрестностях племени – не трогайте ее, но и в племя не пускайте. Она проклята! Пусть идет туда, откуда пришла. Если еще раз увидите ее, так и скажите: «Возвращайся туда, откуда пришла к нам». Она поймет...

Больше ведун не сказал о ней ничего. Он начал расспрашивать о походе, о том, что видели и как набрали новых жен. По традиции он должен был поговорить с каждой и объяснить ей, что она не пленница, а подруга воина, и как только родит сына и выкормит грудью, может снова уйти, если захочет...

Старший воин выслушал, ответил на вопросы и пошел к отряду, а Оламер вернулся в свою пещерку и засветил масляный светильник. На топчане кто-то сидел. Он поднял светильник повыше, чтобы осветить гостя и увидел мертвые блестящие глаза и гладкую голову нелюдя. Он медленно поставил светильник и спросил:

– Что вам нужно? Я выполнил все условия, и никто не нападал на вас.

– Почему ты прогнал Овелу?

– Я не обязан отвечать на такие вопросы. Я не хочу ее видеть и не желаю, чтобы она жила в племени.

– В тебе говорит обида...

– Да, я несовершенен, потому и не могу жить среди вас. Я просто человек переходной расы. Вы сами так определили. Но и она была человеком переходной расы, вы же сделали ее совершенной.

— Она имела в себе потенциал для развития, а у тебя уже сформированный стержень и сломать его, значило бы убить тебя.

— Вот поэтому я здесь, а она была изгнана. Дайте нам жить так, как мы привыкли...

— Вы отказываетесь принять ее обратно? Ведь она хотела помочь тем, кто может стать совершенным...

— Это не искреннее желание, а стремление облагодетельствовать. Мы не нуждаемся в такой помощи. Нам хватает сил, чтобы выжить. Мы не пользуемся вашими возможностями, мы их даже представить не можем, но мы счастливы в своей жизни, может больше вашего. Вы ищете неведомого, а мы просто живем... Мы не ставим сверхзадач и не хотим равняться Богам. Мы — люди и каждый проживает свою жизнь! А, умирая, мы оставляем детей и им передаем то, что накопили за жизнь! И мы не хотим ничего менять в себе и в окружающем нас.

— Лично тебе, видимо, приятно быть на вершине славы? Хочешь повелевать?

— Я хоть сейчас готов оставить и славу, и почет. Мне они вовсе не нужны. Я уже давно готовлю себя к отшельничеству. Может, раньше я и хотел быть первым среди племени, но после того, как побывал у вас, понял главное — мне ничего этого уже не нужно! Я знаю и могу многое из того, что не могут они... Вы добавили мне знаний, и я благодарю вас за это. Но менять в угоду вам жизнь народа я не буду. Мы

живем так, как нам хочется, и прошу вас, больше не приходите и не присылайте никого! Особенно Овелу! Для меня это слишком болезненное воспоминание. И еще... Вы точно также стареете и умираете. Пусть и живете много дольше нас... Но я нашел способ, который позволит мне вернуть былую свежесть и ясность. Я докажу это...

Отбор в совершенство

Овела не ожидала, что события повернутся так. Она убеждала нелюдей, что сможет рассказать в племени об их дружеской любви и найдет тех, кто имеет возможность быстрого роста. Однако Оламер прилюдно изгнал ее, да еще и сказал формулу, которая навсегда закрывала ей дорогу обратно – она проклята! После этого Овела вдруг остро ощутила, что она дочь своего народа. А великолепные условия, в которых она оказалась, были ей чужды. Что она хотела? Поначалу обиделась душой, грызла жажду мести. Ведь ясно же, что ведун прогнал ее из племени потому, что она отвергла его. Но когда первые страсти улеглись, она смогла трезво посмотреть на происходящее, и поняла, что сама совершила ошибку. Ну, разве можно было выходить к людям племени с прекраснодушным порывом изменить судьбу всех. Она же понимала, что из всего племени могут отобрать немногих, кто готов к внутреннему рывку. А остальные? Ненужный материал, который не представляет никакого интереса. Дать попробовать счастья и отобрать кусок, выгнать в прежнюю полуголодную и опасную жизнь! Нет, все нужно было делать иначе. Теперь она знает как, но уже поздно. Оламер не простит ей дерзких слов. Да, он сделал так, что племя отвернулось от нее, и он прав, ибо раздавать обещания, а потом отказываться от них, всегда было плохим знаком.

Она обещала искренне, но также искренне и отказала. Она не противоречила себе, и то, что ведун болезненно отреагировал, не ее вина...

А внутренний голос говорил ей: виновата, еще как виновата. Тебя никто за язык не тянул, когда говорила ему про будущего ребенка. Да и не хотелось тебе никогда быть подругой ведуна. Ты стремилась разозлить его, вывести из равновесия, в котором он пребывал. Ты не могла понять, как он может жить спокойно и ровно! Не ругаться с близкими, не спорить из-за куска пожирнее. Он был другой, не из их мира. Ей очень хотелось доказать ему, что и он не отличается от других мужчин. И когда она терлась об него нагим телом, чувствовала его реакцию... Она радовалась тому, что убедилась: и он такой же!

«Вспомни, как скакала и радовалась. А теперь пожинаешь плоды... Он оказался действительно мудрым, и не его вина в том, что он ждал тебя. Не он вырвал у тебя обещание, а ты сама сказала ему. А потом как визгливо кричала: «Ты старый!» Да старый, но во сто раз мудрее тебя молодой и глупой... Он ждал исполнения твоего обещания, а ты...»

Внутренними укорами она довела себя до того, что готова была хоть сейчас бежать к Оламеру и отдаться ему, чтобы действительно зачать и выносить его ребенка. Однако вспомнила его слова: «Не допускайте ее к племени. Она проклята и всем нам будет плохо, если она вернется!» Правда, она все же попыталась приблизиться к селению. Но из-за камней

свистнула стрела и вонзилась в землю у ее ног. Охрана показала, что видит ее и не подпустит ближе, чем на полет стрелы. Это был знак того, что примирения не будет. Она вспомнила, с какой жесткостью Оламер говорил людям: «Она проклята!» И все же надежды не оставила.

Когда она вернулась в скалы, ее там уже ждали. Молодой провел ее в туманный покой, где она оказалась после избавления от гибели. Она вошла, легла на мягкий, клубящийся свет, молодой коснулся перстами виска и замер, слушая переживания, которые выплывали из глубин ее памяти. Потом спросил:

– Ты обиделась на него? Напрасно! Обида – это непродуктивное чувство, оно не принесет тебе пользы. Ты не должна более обижаться, иначе это будет шагом вниз...

– Я не умею так спокойно говорить обо всем, что касается меня...

– Ты только на пути к совершенству и потому для тебя такие эмоции, как обида остаются значимыми...

– А вы никогда не обижаетесь?

– На кого? И для чего? Чтобы помучить себя? У нас немало задач, которые пока не разрешены. Мы считаем, гораздо более важным мучить себя вопросами о дальнейшем движении и развитии.

– Но вы-то себя считаете совершенными?

– По сравнению с вами – да! Но настоящее совершенство видится только тогда, когда поднимаешься высоко. И мы по-

няли, что ему нет предела. Чем выше забираешься, тем яснее понимаешь, что многое еще недоработано, не сделано, не выполнено.

– Значит совершенство – это работа? Вроде той, что мы делали в племени, когда собирали хворост на зиму?

– Нет, это очень сложная внутренняя работа. Ты вот начала открывать свои психические возможности – это труд. А мы этот этап миновали давно, и сейчас подошли к новому рубежу. Что за ним? Пока не знаем.

– Просто все у вас... Работа, труд... А жить когда?

– Это и есть жизнь. Ты думала, что жизнь – это только наслаждение?

– Я не знаю, что такое наслаждение. Жизнь – это битва с теми, кто мешает твоим целям, это битва с врагами и бывшими друзьями.

– Вот ты и бьешься! С собой, в первую очередь! Главный враг в нас сидит.

– Как это – в нас? Во мне еще кто-то есть?

– Нет, это я сказал, чтобы тебе было понятнее. Твои обиды, придуманные страдания, страсти – вот это и есть твой враг...

– Да какой же это враг, когда это я обижаюсь...

– Знаешь, тебе отдохнуть надо. Ты просто устала. Сейчас такие сложные разговоры вести трудно. Отдохни, а потом поговорим.

– Но я не хочу отдыха, я хочу понять... – Овела пыталась

еще что-то сказать, но глаза у нее начали слипаться, рот светло судорогой зевоты, и она обессилено откинулась на клубы мягкого света. Молодой поднялся, посмотрел на нее и усмехнулся. Внутри у нее сейчас буря, он это понимал, но буря нужна для того, чтобы выбросить мусор из закоулков психики. Потом будет легче, а пока ей нужен покой и сон. Во сне буря пройдет быстрее и не будет так больно!

Молодой вышел сквозь стену тумана, а Овела тут же открыла глаза. Она многое узнала и поняла в этом странном мире нелюдей. Хотя, конечно, она называла их так по привычке. Это действительно были предки... Она не представляла, как такое могло быть, чтобы ее предки жили вместе с ней и учили ее жить правильно. Однако сейчас для нее это было совсем неважно. Она приняла решение: нужно было незаметно уйти из скал и добраться до Оламера. Она не будет его уговаривать стать отцом ребенка. Нет. Она попытается объяснить ему все, что кипело в ее душе в тот момент, когда выкрикивала обидные слова.

Овела встала, прислушалась. Стены из тумана охраняли ее личную жизнь от ненужного любопытства. Никто из предков не позволил бы себе вмешиваться в ее жизнь. У них был закон свободы человека. Каждый решал, что он будет делать со своей свободой. Но потому они и оказались среди своих потомков, что их современники не смогли правильно распорядиться своей свободой. Они подчинили себя одному и стали несвободны. Они требовали соблюдения свободы, но

пришел человек, который вообще отменил всякую свободу и всех, кто был с ним несогласен, вышвырнул из сообщества. Эти вот попали далеко вперед и увидели, во что превратились их потомки спустя несколько веков... Они хотели медленно изменить жизнь одичавших людей и возродить былое общество... Их вышвырнули в будущее, но все необходимое осталось с ними, а потому они смогли сохранить себя в целостности. Каждый из них располагал такими психическими возможностями, что мог бы продержаться долго в самом враждебном окружении, если бы... Вот в этом «если» и была их слабость. Они были необычайно сильны, когда чувствовали за спиной опору. Но стоило им оказаться в одиночестве, как все удивительные способности куда-то исчезали... Они знали столько, что даже Оламеру могли показаться Богами, но это знание опиралось на их коллективную волю, а каждый поодиночке, они разве что равны Оламеру...

Разговор на границе

Молодость! Оламер уже забыл о той поре, когда был юным воином. То время он вспоминал редко. Но сейчас накатило. Слова негодной девчонки больно ударили его. Он-то считал себя свободным от многих плотских зависимостей, а тело заявило о себе настойчиво. Казалось, что кипение страстей и желаний он оставил давно, когда стал помощником старого ведуна. Тот помогал юноше справиться с бурлящей плотью, давал какие-то корешки, сотворял над юным Оламером заклинания и магические пассы. И скоро телесные всплески стали затухать. Оламер чувствовал, что хмельные соки жизни в нем больше не бурлят, но текут ровно, спокойно. Он смотрел в зеркало горного озера, и ему казалось, что из юноши он превращается в мужа. И однажды это ему сказали сверстники. Они удивились превращению, какое случилось с ним. Был их ровесник, а сейчас – мужалый воин, крепкий телом, с огнем в очах. А прошло-то всего: зима, да лето, но Оламер заматерел так, что стал похож на зрелого, пожившего мужика. Он кинулся к Учителю, тот спокойно выслушал его горячие упреки и ответил:

– Ты потерял безрассудство юности, но обрел мудрость зрелости. Клокочущий родник силы в тебе стал великой рекой. Твои сверстники достигнут этого через годы. К тому времени ты уже обретишь мудрость. Но их река будет посте-

ленно замедляться и станет тихой заводью, а твоя будет все также струиться и нести жизнь, силу и знание! Ты пребудешь в этой поре надолго. Ровесники состарятся и уйдут, их сменят новые, с бурлящим родником внутри. Но твоя великая река не изменится. Она будет струиться очень долго, пока ты сам не решишь, что свою задачу выполнил.

Так и случилось. Сколько он жил – Оламер даже не пытался считать: жил и жил... На его глазах сменялись поколения. Все помнили его таким, каков он был всегда. И сам он искренне верил, что великая река внутри давно смыла все мужское, что когда-то бурлило в нем. А оказалось... Вроде бы простая девчонка, а так всколыхнула Ведуна, что он с трудом подавлял в себе безумства плоти. Овела оскорбила его. Но он давно приучился не отвечать на оскорбления. Она прогнала его – и в том он видел благо, ибо освобождался от груза мыслей и желаний. Но что томило тогда? Отчего лунными ночами он со скалы молений вопрошал ночное светило о своей тревоге?

Любовь пришла к Ведуну? Может и так, ибо за долгую жизнь он любви не изведал. Сам в походы не ходил, а пришлых женщин сторонился. Да и они принимали его как Ведуна, но не как мужчину. Видно, в том и был ключ, что Овела в нем искала мужчину и нашла. Да тут же и забыла о своей находке. А он, на беду, помнил...

После ночной встречи с нелюдьми Ведун стал задумчив. Не мог уразуметь: почему нелюди его не убили, а тело не за-

брали. Хотя и знал он об обитателях таинственных земель больше соплеменников, но все же верил, что «нелюди» охотятся за воинами и крадут тела людей. А действительность оказалась иной...

Однажды ночью, когда племя утомилось, Оламер вышел на границу и раскинул над землей «нелюдей» сети внимания. Но там все было спокойно. Ровное колыхание мысленного тумана нигде не нарушалось сгустками опасности. И вдруг, словно из ниоткуда, вынырнули два «нелюдя». В реальности внимания Оламера они чувствовали себя также уверенно, как он – среди родных скал. «Нелюди» возникли очень близко к ведуну. Он даже отшатнулся. Но потом просто вынырнул из реальности своего внимания, как из воды, и посмотрел глазами в ночную темень. Луны не было, и он даже свою руку рассмотреть не мог. Однако чувствовал, что из плотной ночной тьмы на него внимательно смотрят. Он снова нырнул в реальность внимания и увидел «нелюдей». Они ждали его. Там все было видно и понятно, там не солжешь, не притворишься. От одного из «нелюдей» к Оламеру побежали искорки мыслей, и он услышал вопрос:

– Почему вы нас боитесь и ненавидите?

– А за что вас любить? Вы крадете наши тела, а души прогоняете.

«Нелюди» обменялись короткими искорками мыслей и один снова протянул к Ведуну цепочку переливчатых вопросов:

– Почему вы так думаете? Кто вам сказал это?

– В наших знаниях о вас так сказано.

– И кого мы украли?

– У нас – никого. Но мы знаем, что на полудне вы заперли наших братьев за прозрачной стеной, а на полночи извели целый народ. Он был сильнее нас, но вы его победили. Поэтому мы и боимся, мы не хотим рабства.

Нелюди снова обменялись искорками мыслей. Оламеру даже показалось, что он понял что-то. Но понимание мелькнуло на задворках ощущений и пропало. А «нелюди» исчезли. И насколько хватало его чувств, везде колыхался ровный туман внимания. Оламер силился прочесть следы «нелюдей», но не мог почувствовать их присутствие. Из ниоткуда вышли, туда и вернулись. Разве люди могли так? Только тварям вроде «нелюдей» такое по силам. Ведун уговаривал себя, что мысленная встреча на границе лишь укрепила его отношение к «нелюдям» как к врагам. Но поверх уговоров пульсировала другая мысль: не враги они, не опасны, наоборот... Что наоборот? Тут уж он даже в мыслях не мог переступить черту, отделявшую привычный мир племени от загадочной жизни «нелюдей». И неожиданная мысль возникла в голове: не его – чужая...

– Загадочная, потому что вы нас боитесь. Приди, и мы откроем тебе все свои секреты. Приди и поймешь, что мы друзья, а не враги.

Оламер не заметил, как втянулся в разговор:

– Вы меня заманиваете, чтобы украсть тело? Я не поддамся на ваши посулы, нам ваши тайны не нужны!

– Не торопись! Наши тайны помогут вам справиться с болезнями, всегда иметь еду... Разве это мало для вас?

– Это обещания, а что за ними? Вы обманом затащите меня, а дальше?

– Ты самый умный среди этих людей. Ты видел нас близко, мы ничего тебе не сделали. Этого мало?

– Мало! Вы были рядом, но я закрыл глаза, и вы не смогли проникнуть в мой ум.

– Ты сам не веришь в это. В твой разум мы можем войти также легко, как в туман твоего внимания. Разве ты сейчас говоришь с нами наяву?

Нет, мы уже в твоём уме, мы говорим с тобой мыслями. Неважно, открыты глаза или зажмурены.

– Что же вы медлите? Гоните мою душу, забирайте тело...

– Нам не нужна душа и не нужно тело. Мы хотим, чтобы ты пришел к нам и понял, что мы – друзья!

– Наши воины...

– Оставь эти сказки детям. Последний раз ваши воины столкнулись с нами много лет назад, и ты это знаешь. Они бежали в страхе, потому что не могли ничего сделать с нами. Тогда и появились легенды о том, что мы крадем ваши тела, что нас можно убить, только разбив голову... Это выдумки воинов, которые столкнулись с непонятным. Они придумали эти рассказы, чтобы оправдать себя. А потом и сами по-

верили в них.

– Но вы же украли тело нашего вождя! Теперь его сын водит племя! А где старик?

– Мы не крали тело. Вождь сам пришел к нам. Он был слаб и хотел умереть в битве с нами. Но он жив до сих пор. Мы его приняли, вылечили, вдохнули в него силу жизни. Ему ты поверишь?

– Вы можете навести морок, и я буду разговаривать с дедом, а думать, что со старым вождем.

В голове Ведуна зазвучал еще один голос:

– Если даже самый умный из них таков, то что говорить про остальных... Прекратите пустой разговор.

А первый голос отвечал:

– Мы всегда спешим и потому не можем уловить их ритм! Дай время настроиться на волну их мыслей. Нам нужен контакт, сколько можно прятаться от потомков?

Оламер не понял разговора, хотя каждое слово было ему знакомо. А чуть позже он услышал еще один голос. Тот звучал ровно, и Ведун не сразу узнал его. Голос произнес:

– Здравствуй, Ведун! Я старый Цхак! Ты помнишь меня?

– Конечно, помню, но ты же давно умер!

– Я не умирал. Меня спасли эти люди. Вы их зовете «нелюдями», но они больше люди, чем мы. Я прошу, поверь мне: им нужно не твое тело, но твое стремление к знанию. Они хотят дать тебе такое, ради чего любой Ведун готов идти на край Света.

– Это слова, Цхак! Может они говорят твоим голосом. Дай знак, чтобы я поверил. Скажи что-то такое, что знаем только мы.

– Ты последний из Знающих. Потому они так хотят именно твоего внимания. Помнишь ли свою мать, Ведун?

– Конечно, она была Великой, пришедшей с полуночи.

– Нет, это рассказы воинов. Она была Посвященной. А твой отец – простой воин. Знал ли ты его?

– Помню его руки. Сильные и всегда пахли рыбой...

– Конечно, он нашел твою мать здесь, у «нелюдей» и перестал ходить в походы. Он ловил рыбу для племени. Мы удивлялись тогда, почему он не ходит за новыми подругами. Теперь я знаю. Лучше твоей матери никого не было, и он не хотел никого.

– Да, отец всегда преклонялся перед ней. Это я помню. Другие уходили в походы за новыми подругами, а он перестал ходить. Он боялся оставить маму одну. Я помню, как от него пахло рыбой. Я сидел у матери на коленях, а он стоял перед ней и держал ее за руки. От нее пахло свежестью, как после грозы, а от него – рыбой. Странное сочетание, но мне нравилось...

– Это были запахи отца и матери. Ты родителей не выбирал, поэтому не думал, что они могут пахнуть по-другому.

– Но я не знаю, в каком походе отец нашел маму. Они никогда не говорили о ее родине.

– Это она подобрала его. Он был сильным и смелым во-

ином. И поклялся, что докажет всем, что племя сильнее «нелюдей». Он один ушел в горы, в страну «нелюдей». Его не было долго. Луна успела народиться и умереть, а его не было. Все думали, что он погиб. А когда он вернулся в племя с женщиной, сначала считали, что в его теле вернулся «нелюдь». Но когда хотели испытать его огнем, женщина что-то сделала и, племя склонилось перед ними. Я помню это... Она смотрела на нас, и глаза сияли, как две малых луны. Она молчала, но мы все слышали ее голос. Она хотела сесть, и наш ведун первый притащил ей свой волшебный чурбак, на котором сидел, беседуя с океаном. Она села, и мы увидели, как из-за ее спины на нас льется свет. Он нес покой, тишину и был ласковым. Она видела, как твой отец сорвался со скалы и упал в пропасть. Он сильно разбился, но не умер. Она подобрала раненого и вылечила его. И он жил среди «нелюдей» и понял, кто они. Но остаться не смог. Ему нужны были племя и океан. Иначе он, как трава без дождя, засох бы. Она сказала тогда:

– Мы соединим два начала и родим новую ветвь...

Племя признало ее. Даже ведун ходил советоваться к ней. Мы почитали ее, а твой отец – любил. Мы знали, что между мужчиной и женщиной случается такое: словно искра огня рождается и зажигает пламя. Но воины уходили в походы, и приводили новых подруг, и пламя прогорало. А твои родители поддерживали огонь. Когда они были вместе – вокруг них светился воздух. Ты помнишь, как погиб отец?

– Нет, я не видел этого.

Помню, что руки у мамы стали холодными и чужими. Она долго лежала, а потом встала и отвела меня к ведуну.

– Что она говорила, помнишь?

– Да, это я помню хорошо. Она сказала: «Воспитай. В нем ваше спасение...»

Ведун увел меня в дальние горы – принимать посвящение. А когда мы вернулись, мамы уже не было. Никто не мог рассказать, что случилось...

– Это я видел. Она трижды встречала рассвет на скале молений. И на третье утро, когда солнышко облило ее первыми лучами, она вдруг засверкала, засияла, как самый яркий огонь. И светилась почти весь день. А потом сияние погасло. Вечер пришел, а на скале молений никого не было. Исчез свет, и твоя мать тоже исчезла. Ведун сказал, что ее приняло солнце. Не знаю, может и так, но больше мы ее не видели. А ты, Оламер, стал новым ведуном. В тебе вся мудрость матери, но понял ли ты это?

– Во мне мудрость дня и ночи, тайны сумерек и рассвета. Я знаю душу океана и дух воздуха... Но иногда чувствую, что мое сегодняшнее знание, словно тонкая стенка, за которой что-то необычное. Но что? Не знаю...

Тревога из-за горизонта

Оламер смотрел со скалы вдаль. Океан был спокоен. Солнце тонуло в нем, будто великий кузнец погружал раскаленную поковку в воду. Казалось, что сейчас океан зашипит, изойдет паром, а солнце начнет тускнеть. Но пока раскаленный диск висел близко к воде и не касался ее. Оламер чувствовал, как от горизонта на берег накатывает невидимая волна тревоги. Из-за нее он и пришел на берег. Несколько дней назад он почувствовал тревогу. Внутренним взглядом осмотрел тело, но там все было нормально. Тогда Оламер раскинул внимание вокруг племени. Он ждал, что невидимая угроза надвигается от земли «нелюдей». Но в той стороне было тихо. А вот от горизонта веяло тревогой. Оламер определил ее направление и удивился. Поток тревоги целенаправленно струился на их берег. Откуда шла эта волна? Он попытался пробиться навстречу потоку, но сила тревоги всякий раз отбрасывала его. Ему не удалось проникнуть к ее истоку. Тогда он пошел на скалу молений и с верхушки смотрел на солнце. Поначалу сверкающий диск слепил, глаза слезились, но он упорно смотрел на солнце, открывал глаза, как бездонные колодцы и впускал в них силу солнца. Энергия светила проникала в голову, заполняла ее горячим туманом. Оламеру показалось, что сейчас голова лопнет, как перезревший плод. Но внутри будто дырка откры-

лась. Исчезло распирающее давление. Горячий туман исчез в разверзнувшейся пустоте. Оттуда полезла непонятная ерунда. Вспомнилось давно забытое: какие-то юношеские переживания, потом в чувственной памяти всплыло прикосновение прохладных рук Овелы...

Оламер не отрываясь, смотрел на солнце и, казалось, не замечал его обжигающего жара, если бы кто из племени увидел сейчас своего колдуна, верно, удивился бы, испугался и поклонился... Взор его светлый и сверкающий, окружал облаками радужного тумана всякий предмет, которого касался. Но не было никого на берегу. Оламер в одиночестве смотрел на горизонт. Солнце заполнило голову, разлилось по телу, и он больше не чувствовал рук и ног. Тело растаяло, будто соль в воде. Вместо него Оламер чувствовал сгусток раскаленного жара. А внутри появилось желание оттолкнуться от вершины скалы и полететь к горизонту. Он подставил ветру жаркое тело солнечного огня и тот понес его к далекому горизонту. Оламер хотел понять, откуда веет угроза. Он поднялся в небо, и увидел свое тело. Большая кукла стояла на площадке скалы молений и бессмысленно смотрела вдаль. А солнечное тело Оламера в потоках ветра полетело к горизонту. Но полет изменился. Он почувствовал, что его влечет вверх и, не успев понять, почему, ощутил себя солнечным лучом. Мысль свободно плыла по лучу. То он касался поверхности океана, то взлетал высоко над землей и оттуда смотрел на бесконечную зеленую рябь воды. И когда

поднялся высоко – увидел. По воде скользили корабли. Они походили на стремительные тонкие лодки его племени. Но были больше и двигались медленно. Корабли плыли в сторону их земли, а перед ними катилась темная волна страха. Это его отголоски почувствовал Оламер. Он нырнул в пучину страха, но солнечный луч завяз там, как неосторожный путник вязнет в болоте. Огненный Оламер не мог вырваться из темного плена. Он хотел нырнуть глубже, чтобы разглядеть ядро этой волны, но туда его не пустила упругая сила страха. Он попытался вырваться, и увидел, как на кораблях бегают люди, что-то кричат и показывают на него руками. Он не успел удивиться, понял, что на кораблях видят не солнечный луч, которым обернулся ведун, а что-то еще. Он посмотрел на зыбкое отражение в воде и увидел, что солнечный луч превратился в огненное тело. Оно колыхалось над водой, а люди на кораблях смотрели на тело. На нос самого большого вышел худой беловолосый старик. В правой руке у него был посох с багровым кристаллом на верхушке. Он посмотрел на огненное тело Оламера, что-то сказал стоявшему рядом и тот убежал. А старик поставил посох так, что солнце дробилось в кристалле. Камень сначала стрелял во все стороны колючими лучиками света, а потом засиял, вспыхнул и плюнул в сторону Оламера сгустком багрового огня. Клубок пламени вошел в огненное тело, и внутри его что-то забурлило. Свет вспыхнул, а потом сверкнул ослепительно и пропал. Исчезло видение, бесконечная вода, корабли... Ола-

мер открыл глаза. Он по-прежнему стоял на скале молений и смотрел на горизонт. На великой воде не было движения, но он-то знал, что за гранью, где небо и вода закрывают даль от человеческого взгляда, плывут чужие корабли, и перед ними катится волна страха. Он прислушался к своим ощущениям: тревога не исчезла, наоборот – усилилась. Кто были люди на кораблях, откуда они? В их мире не умели строить таких больших лодок, но он слышал о кораблях от тех, кто много лун назад плавал за горизонт. Они рассказывали, что по великой воде плавают большие лодки, которые называют кораблями. Когда они подходят к берегу, страх обрушивается на людей. От кораблей идет волна ужаса, которая гонит людей с обжитых мест. И когда селения пустеют, с кораблей сходят длинноволосые люди. Они несут множество багровых кубиков и прячут их в оставленных селениях. И возвращаются на корабли. Оламер не очень-то верил рассказам, а сейчас и сам увидел... Вот только объяснить это он не пытался. Вспомнилось древнее предание о народе Бури. Этот народ появлялся в реве урагана, который с корнем выдирает целые леса. С народом Бури всегда связывали большие несчастья. Братья разделялись, беда обрушивалась на племена. Одна на всех. Всем бы ее и встретить, да только будто граница между людьми вставала, и не могли они придти друг другу на помощь. Предания говорят, что последний раз народ Бури появлялся давно, когда начался исход людей Силы с полуночи. Холод и льды теснили их, а некогда благодатные земли

исчезали под толстым ледяным покровом.

Приглашение к путешествию

Он не мог спокойно жить. После знакомства с нелюдями и спасения Овелы, ведуну казалось, что все в племени смотрят на него с подозрением и замечают какие-то неловкости в его поведении. Прежде он бы не обратил внимания на свои поступки или слова, но сейчас, тайна, которую носил в себе, рождала внутри особенное состояние. Ему казалось, что все вокруг относятся к нему с подозрением. Много раз Оламер внушал себе, что никто и ничего не знает и его страхи – проявление его же подозрительности. Но разговоров с собой хватало ненадолго. Стоило кому-то из племени посмотреть на ведуна искоса, и наваливалась новая волна внутренних метаний. Он уходил подальше от людей. Часами стоял на скале молений, мыслями витал где-то далеко-далеко. Все хотел оторваться от реальности жизни, но не удавалось.

Не раз ведун вспоминал свое странное путешествие в солнечном луче. Неведомая сила багрового камня на посохе старика, выбросила его обратно на земли Прибрежья. Но ведун понимал, что случилось это путешествие неспроста. Ему показали и предупредили о том, что идет грозная опасность. Что он должен сделать? Рассказать о ней людям племени? Так его либо не поймут, либо ему не поверят. Мало ли в жизни было разных событий, но, чтобы целый флот пришел из-за горизонта и прогнал их с обжитого пространства? Нет, та-

кого в их родовом опыте не было. Когда бы он сказал, что нелюди затевают нападение на его народ – тут как раз все стало бы ясно. Но он знал, что нелюди друзья, а вот флот Бури несет ужас и гибель для всех в Прибрежье. И как противостоять этому? Овелу он проклял и изгнал из племени. Нелюдей отверг и не жалеет о том. Они помогут, наверное, но эта помощь, скорее всего, обернется для племени тяжким грузом обязательств. Он не хотел погружать соплеменников в долги. Но и смиренно дожидаться нападения не мог. Ведун охранял племя от напастей обратных миров. И готов был биться с ними, но с кем и как пришлось бы биться в этот раз?

Он видел корабли, чувствовал страх, который волной катился перед ними и что? Может, видел на самом деле, а может, ему только пригрезилось. На скале молений с ним случалось всякое, и он не мог уверенно говорить, что видение было реальным. Да и кто бы поверил, что он путешествовал в солнечном луче?

Народ Прибрежья знал, что ведун может многое: лечить, призывать на помощь духов, разгонять облака, умирять ветер... Но, чтобы в лучах солнца летать за горизонтом... Такого в племени не знали и могли просто не поверить...

Оламер пришел на скалу молений и встал на ее верхушке. Океан сегодня был серым и неприветливым, облака закрыли солнце, и он чувствовал знобкий ветер, проникавший сквозь одежду. Он пожалел, что не накинул плащ из шкуры медведя. В нем было бы теплее. Но возвращаться в пещерку не хо-

телось и он начал моление. Поднял руки к небу, нашел место, где сквозь облака едва виден был круг солнца и сосредоточился на нем. Проговорил мысленно:

– Великий Джянга! Дневное лицо твое смотрит на нас, и мы взываем к тебе! Помоги нам в охоте и рыбалке, дай вдоволь пищи и огня, дай нам спокойную жизнь и отврати жадные взоры врагов от нашего рода. Дай нам достойно принять Волю твою, пройти по тропе жизни так, чтобы не огорчать тебя! Мы, дети твои, Великий Джянга, взываем к тебе и молим о помощи во всех делах наших...

Оламер произносил привычные слова, но мыслями возвращался то к нелюдям, то к кораблям Бури, то к тревоге, которая наплывала на земли Прибрежья... Он молился Джянге и просил его о привычном, но в сердце разгорался огонь новых забот... И незаметно для себя он перешел с обыденных просьб о житейском, к неожиданному:

– Открой мне судьбу нашего народа. Что привлекает корабли Бури в нашей Земле? Что станет с нами? Ибо я видел такое, что повергает меня в смятение..., идёт беда, но я не знаю, как остановить ее...

И неожиданно возникло видение: серое небо и серая вода океана соединились, и там, где они сошлись, возник свет. Он медленно разгорался и вытеснял серость воды и неба. И когда серость ушла, он увидел, что все пространство перед ним заполнено нежным светом. Он не слепил, не бил по глазам. Он был мягкий и живой и Оламер увидел в нем вход...

Шагнул и перед ним раскрылся мир переливов света. Оламер считал, что свет может быть ярким, как солнечный, жарким, как от пылающего костра или же тусклым, как от луны... Но сейчас он оказался перед океаном света. Световые реки перетекали в нем и разноцветные сполохи бликами играли вокруг. Ведун оказался внутри потоков света и смотрел на это диво, не понимая, что происходит. А свет разгорался, становился ярче и облаком окружил Оламера, поднял над землей и увлек вдаль... Ведун задергался... Он трепыхался, как пойманная бабочка. Он не хотел улетать вместе со светом и кричал об этом. Он боялся покинуть земли Прибрежья и вырывался из объятий живого света... Все закончилось также неожиданно, как и возникло. Он снова стоял на верхушке скалы молений и взирал на серый океан. В облаках образовался просвет, и теплые солнечные лучи высветили площадку, на которой стоял ведун. Он поднял лицо к солнцу, яркий свет ослепил его. И появилась мысль. Она звучала в нем, как голос и ведун понял, что к нему обращены безмолвные речи:

– Ты просил о помощи, но оказался не готовым к ней. Тебя приглашали в великое путешествие, но ты испугался! Все, о чем ты просишь, сбудется, но ты пройдешь долгий путь, чтобы достигнуть возвышения и понимания... Ты хотел взойти к вершинам знания и без страха принимать все, что даётся тебе. Да сбудется! Сейчас ты не готов к такому восхождению... Ты обретишь все, о чем просишь, но в поисках и

душевных муках, в страданиях и борьбе...

Бегом от себя

После возвращения со скалы молений, Оламеру казалось, что все увиденное – это лишь иллюзия. В памяти остались переливы света и возникшие ощущения. Но голос мыслей! Слышал ли он его или же все показалось? Как тут разберешь, когда воспоминания о пережитом туманились повседневными заботами. Пока звучали мысли, ведун не сомневался в их реальности. Но когда вернулся в свою пещерку, воспоминание стало зыбким, будто туман поутру. То он сгущался и тогда ведун понимал, что сказанное ему нисходит свыше. А в какие-то мгновения воспоминания словно сдувало, и тогда они казались иллюзией...

Однако внутри тоскливо щемило, и он постоянно возвращался мыслями к недавнему переживанию. Сомнения, конечно, обуревали, но воспоминания не исчезали. Он мог бы заставить себя забыть пережитое на скале молений, но не хотел... В этом не сомневался – не хотел! А чего хотел? Куда-то идти, действовать, шагать... Но куда?

Оламер сел на топчан и попытался расслабиться. Привычно отодвинул мысли, опустил внимание в ноги и стал расслаблять мышцы, но прекратил это занятие. Не удавалось избавиться от воспоминаний. Всплывали в памяти слова: «Ты обретешь все, о чем просишь, но в поисках и душевных муках, в страданиях и борьбе...»

Какие страдания? Да вот же они, в каждом дне твоей жизни. Как побывал у нелюдей, так и мучаешься поминутно, все ждешь, что кто-нибудь из соплеменников заметит странности в поведении, скажет остальным и тогда Оламера спросят: «Что случилось, ведун? Расскажи нам...»

А что рассказать? Как пришел на границу земель и, раскинув внимание, слушал нелюдей? Это поймут – хотел почуять беду и предупредить племя. А остальное? Как позволил тем двоим нелюдям, что беседовали с ним в пространстве внимания, унести его с собой. Унесли! Для соплеменников это значило только то, что больше Оламера нет, и в его теле поселился нелюдь. А с таким разговор простой – дубиной по голове и острым ножом рассечь горло. С нелюдями нельзя договариваться, их можно только убивать!

Как они все заблуждались. Теперь он знал, что нелюди хотят вернуть утраченные знания предков... Но не всем. Они выбирали из племени самых способных и умных людей и забирали к себе, чтобы научить всему, что могут сами... Остальные пусть живут по старинке... Почему кто-то должен жить лучше, чем остальные? Вот это Оламер не мог принять! И он сказал посланцу нелюдей, что больше не хочет сотрудничать с ними. Так бы, наверное, и случилось, да это переживание на скале молений. Он сам должен принять решение, но готов ли к этому?

Ведун метался... В тесной пещерке негде было даже ходить и он спустился на полоску песка между скалами и ли-

нией прибора. Здесь он ходил, когда свершал ритуалы и обряды... Но сейчас-то ничего от него не требовалось... И он просто шел... Он был словно погружен в тягостную дрему и не мог избавиться от тумана в голове. Шел и не замечал, куда идет. Давно остались позади земли племени, дикие скалы нелюдей отвесной стеной возвышались рядом с ним, а ведун все шел не думая, куда несут ноги. Остановился лишь возле широкой пологой лестницы, уводившей вверх, за гребни скал. Посмотрел на нее и неожиданно понял, что пришел к нелюдям. Как? Это было для него загадкой. По берегу до земель нелюдей добраться невозможно, однако же он прошел и даже ног не замочил. То ли открыл какой-то тайный путь, то ли сила, осенившая его на верхушке скалы молений, провела по берегу. Пока для племени нелюди оставались врагами, а он-то уже знал, что они не враги... Но и не друзья... Они преследуют свои цели, которые ведуну были непонятны. Хотя от него ничего и не скрывали, но он не мог уяснить, почему одни должны воспитываться в землях нелюдей и постигать сокровенную науку предков, а остальные прозябать в бесконечной погоне за пропитанием?

Принять к себе самых умных и способных – это понятно. Но раз уж вы хотите поменять жизнь потомков, так помогите им всем. Не обязательно открывать сокровенное, можно научить жить по-иному... Нелюди не хотели этого. Они отбирали тех, кто мог принять их знание, а остальным отказывали в праве на новую жизнь... Почему? Оламер не мог от-

ветить на это. Нелюди действовали по правилам, о которых он ничего не знал. Ему казалось, что эти правила мешают его соплеменникам, и он просил нелюдей не вмешиваться в дела племени.

Он стоял у подножия лестницы и не знал: хочется ли ему взойти по ней, шагнуть на ступени или же уйти обратно. Раз пробрался сюда по берегу, значит и вернуться тем же путем сможет... Хотя... Поздно! На верхней площадке лестницы появились нелюди. Они увидели Оламера и замахали ему руками. И он стал подниматься по ступенькам вверх...

Начало служения

Он медленно поднимался по лестнице, а ожидавшие наверху нелюди не торопили. Оламер останавливался на каждой ступеньке и все ждал, что сейчас внутри что-то решится, и он повернет назад. Понимал, что ожидание пустое, порожденное его нежеланием встречаться с нелюдями. Однако шел вверх, преодолевая внутреннее сопротивление. Пока поднимался по ступенькам, разговаривал сам с собой: «Ведь не хочу туда идти, так зачем же я поднимаюсь?» И отвечал: «Они ждут меня и мне нельзя уйти от их ожидания...»

А внутри метались разные мысли. Одни шептали, что сомнения не стоят ничего и нужно определяться, делать выбор. А другие – наоборот, говорили, что вверху его ждет нечто важное и определяющее его жизнь... В конце подъема Оламер окончательно запутался в переживаниях и просто шел наверх, не думая ни о чем. Коли хотел бы уйти, так ушел сразу, а не стал мучительно дергаться, поднимаясь по ступенькам... Нелюди наверху ждали его, а он, видимо, не решил, как разговаривать с ними, потому, и полз медленно. Наконец Оламер сказал себе: «Решать надо было внизу, а сейчас поднялся, так принимай все, что тебе скажут...»

На верхней площадке лестницы его встретил знакомый уже старый Хранитель. И молодой черноволосый нелюдь. Они помогли оживить Овелу. Старый подхватил Оламера

под руку и повел к храму. На ходу он говорил:

– Мы не будем ничего тебе предлагать. Ты все сказал нашему посланнику, но тебя ждет в храме Великая мать. Она привела тебя в наши земли...

– Но я пришел сам...

– Шел ты, конечно, сам, но путь тебе указывала она... Великая мать способна провести путника по тайным стежкам, о которых никто даже не догадывается. И ты пришел к нам по берегу, хотя там нет тропы... Ты сам знаешь, что дорогу закрывают скалы... Но тебя вела Великая мать, а для нее эти преграды ничего не значат...

– Почему после стольких лет разлуки она решила встретиться со мной?

– Это ты спросишь у нее. Она сказала, чтобы мы встретили тебя на лестнице и привели к ней...

Крыша храма сверкала в лучах солнца, а вход закрывала тень. Нелюди остановились у границ тени и молодой сказал Оламеру:

– Дальше нам ходу нет. Она велела довести тебя только до границы тени. Иди сам, тебя ждут...

Оламер шагнул в тень, и когда солнце перестало слепить глаза, увидел, что двери храма медленно открываются. Он поднялся по ступеням крыльца и вошел в храм. Прохлада, тишина и полумрак, да мягкое сияние, исходившее от священного барельефа на стене. А перед ним возвышалась большая каменная чаша. Оламер подумал, что в ней должна быть

вода. Подошел поближе и увидел прозрачную жидкость в каменном углублении. Вода мерцала и светилась изнутри, потом завихрилась, и над ее поверхностью возникло облачко. Оно увеличивалось и поднималось над чашей, и скоро обрело форму человека, а потом опустилось на пол. Ведун смотрел на превращения. В жизни такого видеть ему не доводилось, но не было ни удивления, ни страха. Принимал все, как должное. А облачко сгустилось и обернулось прекрасной, женщиной. Оламер смотрел на нее и не испытывал никаких эмоций. Он ждал увидеть мать, но, когда возникла эта женщина, сердце молчало.

Женщина смотрела на ведуна сияющими глазами и тоже молчала. А потом он услышал переливчатый, как весенний ручеек, голос ее мыслей:

– Ты ждал увидеть меня постаревшей и сморщенной, как матери твоего народа? Но я вне времени и всегда остаюсь такой, какой была в твоём детстве. Не удивляйся, сын. Я действительно твоя мать.

– Но мое сердце молчит ... Я надеялся, что при встрече оно подскажет мне ...

– Все правильно. Я родила твоё тело, а дух пришел из безмерных далей... Твоё тело помнит меня, а дух хранит память о том, кто послал тебя ... Коснись меня и твоё тело подскажет тебе...

Оламер дотронулся до руки женщины, и сердце застучало. Он почувствовал, как из глубин памяти поднимается давно

забытое ощущение, когда он прижимался к матери, она обнимала его. В ее объятиях чувствовал себя словно в уютной норке...

Она спросила:

– Вспомнил теперь?

– Да, мама! Я вспомнил тебя...

– Твои телесные переживания важны, они помогают тебе вспомнить... Но главное – это исполнить то, что предстоит. Для этого я и пришла. Тебе, сынок, определено великое служение, и начать его предстоит здесь, в этом храме.

– В чем служение, мама?

– Помнишь ли облако, что окутало тебя на скале молений?

Тебя могли принять в служение там, но ты отказался...

– Я испугался... Я не могу бросить свое племя...

– Твой испуг и стал отказом от короткого и быстрого Пути. Ты погружен в дела своего народа и не можешь оторваться от них.

– А если я решу и в этот раз отказаться?

– Тогда так и останешься ведуном племени и будешь еще много раз вращаться по кругам жизни, повторять одни и те же события. Хочешь ли бесконечного повторения прожитого?

– Нет, я устал переживать одно и то же. Но то, что случилось на скале молений, было слишком быстрой переменой. Я испугался неожиданного...

– Поэтому тебе определено обретать новое постепенно.

Ты готов его принять, но в тебе сильны устои и обязанности перед племенем... А пора начать восхождение. Твои соплеменники найдут нового ведуна... Твоя служба в ином...

– В чем?

– Не спеши, сын! Надо сделать первый шаг, с которого начинается любой Путь.

– Я готов, мама! Я хочу шагнуть...

Сейчас Оламер действительно понял, что жаждет перемен. Прикосновение к матери, и возникшая внутренняя буря, толкали его. Вновь появилось неудержимое желание куда-то идти, двигаться, вырваться из привычной, стоячей, как болото, жизни.

А мать посмотрела на ведуна и произнесла:

– Шагни сюда, встань рядом со мной и увидишь...

Оламер послушно занял указанное место, и тотчас все вокруг потекло, закружило, словно метель из светящихся пушистых снежинок заплясала перед глазами... Чувства взорвались неожиданными ощущениями и все померкло...

Часть вторая: Восхождение

У порога

Когда Оламер открыл глаза, то понял, что чудо свершилось. Он стоял перед стеной кустов, за которыми видел высокие деревья. Рядом возник Проводник. Почему ведун так назвал его? Просто знал, что тот появился здесь вместе с ним и поможет пройти по неведомым тропам.

Проводник раздвинул кусты и вошел в живую стену. Оламер шагнул следом. Цепкие ветви хватали за одежду, волосы, шипы растений впивались в кожу. Кусты не пускали его, а Проводник легко прошел сквозь них и подждал Оламера на поляне. Ведун путался в зарослях, дергался, и наконец, освободился. Вырвался из цепких объятий, словно после драки. Одежда порвана, сам исцарапан. Проводник смотрел на него невозмутимо, будто всегда видел Оламера таким растрепанным.

От поляны тропинка вела в чашу леса. Они шли споро и все также молча. На вопросы Оламера Проводник не отвечал. Скоро пришли на большую поляну. В ее центре возвышался земляной холм, обложенный по низу огромными каменными глыбами. Проводник указал рукой на него и неожиданно заговорил. Голос звучал глухо, словно доносил-

ся из-за плотной преграды:

– Здесь вход в мир предков. Тебе предстоит войти. Что и как делать, ты знаешь, а мне пора. Дальше пойдешь сам...

Проводник шагнул в кусты и пропал. Оламер кинулся за ним, но в кустах никого не было. Он так и не понял, кто этот Проводник: человек или сгусток силы. Да это уже не имело значения. Ему указали главное.

Он хотел обойти холм вокруг, сделал несколько шагов в сторону и увидел: от вершины холм понижаясь, тянулся далеко. Земля по обе стороны было чистой: ни трава, ни деревья, ни кусты там не росли. Зато лес вокруг был искривлен самым прихотливым образом. Деревья стояли так, словно отшатнулись в испуге. Ветви и сучки извивались, как змеи. Вокруг была тишина, сквозь которую пробивался тонкий писк. Сначала Оламер решил, что над ухом нудит комар. Но сколько не отмахивался, писк не утихал, но и не усиливался.

Он дошел до окончания холма. Отсюда тот казался длинной, постепенно возвышающейся насыпью. Ведун раскинул вокруг внимание и почувствовал неясное томление. Сосредоточился на ощущении и понял, откуда оно. Из глубины холма исходило непонятное. Оламер чувствовал его как томление и тревожность. Но скоро тревога ушла, и осталось чувство напряженного внимания. Его будто прощупывали невидимыми лучами, определяя замыслы, намерения, желания. Но скоро это чувство пропало. Осталась тяжесть в ногах. Они словно прилипли к земле. Оламер заставил себя шаг-

нуть, и удалось это с трудом. Еще несколько шагов по разным направлениям – и он заметил, что в одну сторону его будто подталкивают и ноги становятся легкими, а в другие – тяжелеют, притягиваются к земле. Он пошел туда, где было легко. Но сделал всего пару шагов и уперся в камень. Хотел повернуть, но в голове, словно молния полыхнула, и возникло слово: «Здесь». Он нашел точку, где было удобно стоять, раскинул руки в стороны и застыл, слушая пространство вокруг. Руки потянуло друг к другу, он соединил их ладонями. И обеими руками, будто большой стрелкой начал трогать пространство. Парной лесной воздух казался плотным, влажным и прохладным. Он медленно вел руками слева направо. И неожиданно почувствовал пустоту. Она была как щель в воздухе... Слева плотность, справа плотность, а в щели – пустота. Руки втягивало туда. Оламер шагнул в нее и очутился на опушке леса. Перед ним расстиралась луговина, а позади шелестели деревья. Он не удивился. Внутри возникло знание, что он просто перешагнул из одной точки пространства в другую. А самого пространства между точками не было, его убрала сила, скрытая в лесном холме.

Несколько берез росли неподалеку. Он подошел к ним и понял, что оказался на месте. Дело за малым – понять, для чего он здесь. Ведун посмотрел под ноги. Обычная лесная земля, путаница травы, старые сучки-веточки, мусор... И вдруг глаза словно подернуло туманной пленкой, и внимание опустилось в грудь. Он увидел, как в деревьях пульси-

руют соки земли. Трава под ногами потемнела и из зеленой стала фиолетовой, а потом засветилась нежно сиреневым. Ее сияние облаком висело над землей. Кое-где сквозь него проглядывали бесформенные темные пятна, и только под берегами темнота имела четкие границы и ровным прямоугольником закрывала сияние травы. Оламер потряс головой, но видение оставалось. Он наклонился к темному прямоугольнику. Взгляд из груди померк, и вернулось обычное зрение. Он огляделся, увидел подходящий сук и подобрал его.

Траву и верхние слои земли удалось снять легко, а дальше пошла глина и он понял, что сучком много не накопает. Оламер отбросил сук и поднял руки к небу. Он впустил в них тепло солнца, принял силу леса и воздуха, а потом поставил ладони одну над другой. Между ними появился огненный шар. Он метнул огонь на раскопанное место и увидел, как голубое свечение растеклось по глине, проникло в землю, а потом, задрожав, словно марево, вспыхнуло и пропало. Ведун наклонился к земле. Глина, которую не мог поцарапать твердый сучок, рассыпалась в пыль. Он сгреб ее в сторону и увидел твердое основание. Оламер пальцами ощупал его и понял, что наткнулся на каменную плиту. Попытался потянуть ее вверх, но плита приросла к земле. И невелика, оказалась, а сам поднять не сможет. Оламер горько усмехнулся. Стоило так рваться к заветному, когда оно пред тобой, но попасть туда невозможно. Нет ключа к пониманию ...

Неясная мысль мелькнула в воображении. Она прошла

где-то по краешку сознания. Оламер почувствовал ее, как звери чуют дальние зарницы приближающейся грозы. Но в отличие от зверя, человек понял, что мысль спасительная. Он попытался вернуть ее, но в воображении было уже пусто. Мысль, словно игривый котенок, царапнула внимание и спряталась. Он сосредоточился, попытался вернуть ее, но напрасно. В голове звенело напряжение мысленного поиска, и более ничего. Даже разочарование от пережитой неудачи ушло. Оламер чувствовал, что разгадка где-то рядом, вот только не мог понять, как к ней подступиться. И когда внутренне напряжение стало невыносимым, тяжкие думы ушли, и он впал в пустодумие. Сознание растворялось в нем, не оставалось даже малой искорки. Покой и внутренняя тишина заполнили сначала голову, потом разлились по телу. Оламер испытывал необычное блаженство, вкушал счастье затихания жизни и наслаждался им. Ведун понимал, что переходит в новое качество, за которым приоткроется неведомое... Он растекся в блаженстве и услышал бесплотный голос:

Что время в вашем мире?

*Оно сквозь всю Вселенную течет,
Перетекая чрез пороги бурливых дней,
Впадая в реки страсти и желаний,
Вы возделенным ставите перстом
На стол Предвечного,
Свои стремленья и потуги,
Себя и свой народ –*

Как центры мироздания!
Все тлен, когда ты смотришь на него,
Из-за границы круга,
Того, что обозначен Богом
Вам в назиданье!
То смерть барьером разделяет жизнь и нежить,
И то, что в круге – то не жизнь!
Вся жизнь сияет за пределом.
Но ты, сидящий в круге, тянешь
Ручонки слабые к границам,
Стараясь доказать, что ты живешь,
А там – все сказки, лепет, ложь...
И пустота непониманья...
Как жалок ты в своей слепой гордыне!
Когда б не чувствовал порога жизни
Тогда бы смог противиться и Богу, и себе!
И оставаться жить в непониманьи!
Но ты вдохнул уже отравы знанья
И неизбежно будешь мучаться, страдать,
Пока не одолеешь круга смерти.
И не войдешь в сияющее царство...
И лишь оттуда, взглядом охватив
Оставленное миру, поймешь,
Как слаб ты был в своих потугах.
Вот и подумай: стоит ли сейчас
Тебе махать руками в круге смерти?

Ведь все пройдет: и ты, и этот мир...

Оламер слушал шелестящий шепот и не удивлялся. Он понимал, что воспринимает данное свыше! Он был на пороге выбора, который и определит дальнейшую судьбу. Отказаться от борьбы и поиска в проявленной жизни, уйти за пределы круга и окунуться в сияющий мир, либо же остаться в этой темной и мрачной обители печали... Он понял данную возможность... Понял... Но не принял. Глубоко в сердце билась и пульсировала искорка. Он осознавал, что, уйдя из нежити мира в сияющую жизнь, поможет недругам. Те заставят людей метаться, страдать. А надежда на избавление поможет людям сделать шаг на пути восхождения. Куда?

Вот здесь, словно пелена опутала сознание, и Оламер понял, что его не подпускают к знанию, которое преждевременно для него и для людей. Ему хотелось понять, во имя чего человеческие страдания и муки, во имя чего племена и народы скручиваются в тугих узлах конфликтов и противоречий. И тогда он смог бы вернуться в мир нежити и действовать там осознанно, во имя Великой цели. Желание нарастало, становилось отчетливым и обретало внутреннюю силу и мощь. А когда оно засияло нестерпимо, он, вдруг, услышал внутри голос. Не тот, что звучал недавно. Бесконечно спокойный, глубокий, как океан, голос самой жизни произнес:

– Уйти из мира ты можешь, но поймешь ли Великую цель? Не будешь сожалеть о своем уходе, ибо оставишь не только людей, но и себя? Во имя цели неведомой и высокой не

пройдешь ли мимо того, что дано для будущего восхождения. Готов к жертве во имя жизни?

Вопрос стоял так, чтобы Оламер принял решение. Но не было готовности решать. Да, он достиг каких-то рубежей, но те ли это высоты, и быть может, он способен подняться значительно выше, нежели ему предлагали обстоятельства? А внутри билось и пульсировало отчаянное желание уйти в свет, в жизнь и навсегда избавиться от страданий. И путь ухода виделся ему коротким и ярким, а его окончание более напоминало махровый цветок, где вместо лепестков сияющие искры, а стеблем служит восходящая спираль Света. Не раздумывая более, он шагнул на короткую тропинку. Мыслью рвался к итогу, и дорога перед ним раскрылась. Но окружившее его живое пространство, смотрело на его выбор, и Оламер чувствовал сожаление. Никто его не упрекал, не говорил о неверном выборе. Было просто сожаление о том, что он избрал легкий и простой путь избавления от бытия.

И тогда он возопил:

– Я готов идти путем, который ты мне определяешь, но скажи, во имя чего! Великий Джанга! Твоя Воля священна, но хочу знать, каков иной путь?

И перед его мысленным взором открылась темная, уходящая за горизонт тропа. Он перенесся в ее конец и почувствовал безмерную усталость. Не было света и сверкающих искр, только усталость и облегчение: наконец-то выполнил, вернулся...

– Это цель, во имя которой я должен отказаться от быстрого счастья?

И снова перед мысленным взором возникло видение: корабли народа Бури подплывают к берегу. На скалах стоят оцепеневшие соплеменники Оламера. Они хотели встретить людей Бури как обычно встречали пришельцев с моря. Но куда исчезли ярость и готовность к борьбе. Когда корабли Бури были за полет стрелы от берега, на нос самого большого вышел длинноволосый старец с посохом. Он поймал солнце багровым кристаллом на верхушке посоха, тот вспыхнул, зажегся и исторг на берег волну пламени. Едва оно коснулось людей, те в ужасе побросали оружие и с криками побежали от берега в глубины прибрежного мира.

– Я смогу остановить их натиск?

– Сейчас – нет! Ты должен многое понять и многому научиться ...

– Я готов пойти другим путем, если он так важен для Высшего!

– Он важен для тебя, прежде всего! Народ Бури не сможет преодолеть твое знание. Он велик, но тебе будет дано более значимое, что определит твою жизнь и служение...

– Я готов! Я принимаю...

Оламер открыл глаза. Над головой шелестели листья берез, перед ним был прямоугольник разрытой земли, и каменная плита, закрывавшая вход в тайну. Все оставалось, как и было до его мысленного путешествия. Но что-то изменилось.

То ли в нем, то ли в окружающем мире. Он еще не понял, но чувствовал нарастающие перемены. И, наконец, произошло...

Со стороны древних холмов прокатился глубокий подземный гул, земля дрогнула и плита, сама собой сдвинулась в сторону...

Мир Предков

Оламер осторожно заглянул в открывшийся проем. Серый свет сумерек отразился от уводящих вглубь темных каменных ступеней. Оламер смотрел на них с удивлением. Камень был чистый, словно ступеньки вчера отмыли от тысячелетней грязи. А гул прокатился снова, и подземная волна сдвинула плиту окончательно. Оламер понял, что его приглашают войти.

Он осторожно ступил на первую ступеньку, потом сделал еще шаг, еще... Ступени уводили в темноту, но подземелье не дышало сыростью и холодом. Наоборот, Оламеру показалось, что из непроглядной тьмы веет чистым и теплым воздухом. Он сделал еще несколько шагов вниз, и плита над головой с тяжелым звуком задвинулась. На миг ему показалось, что он ослеп и оглох, но это было только мимолетное ощущение. Почти сразу появился мягкий, свет, похожий на свечение лесных светляков. Только здесь этих светляков было много и света хватало, чтобы Оламер мог осторожно двигаться по коридору.

Он поискал глазами светящихся жучков, но ничего не увидел. Свет исходил не от насекомых, а от камней, которыми был облицован коридор. Ступеньки кончились, и Оламер осторожно ступал по чистым каменным плитам коридора. Куда тот ведет, он не догадывался, но шел без страха.

Оламеру показалось, что он сделал всего несколько шагов, а коридор кончился. Однако, когда оглянулся, то увидел, что облицованный каменными плитами тоннель, теряется во мраке. То ли темнота скрадывала его длину, то ли Оламер делал очень большие шаги... Но сейчас он стоял перед каменной плитой, перегородившей коридор. Все, тупик! Дальше идти было некуда. Он растерянно смотрел на плиту и не понимал, зачем ему открыли вход в этот тупик. Неужели только для того, чтобы спрятать его в подземном каменном мешке?

Глаза привыкли к слабому свету, и он смог различить на камне какие-то знаки. Оламер приложил к ним руки и почувствовал, что через ладони в него входит сила. Неведомая, ни на что не похожая сила проникала в глубины тела, заполняла какие-то пустоты. Оламер чувствовал, что наливается мощью и неожиданной радостью. Чему радоваться? Оказался запертым в подземном тупике и что дальше делать – не знает. А радость наполняла его, она происходила из ничего. Не было ни поводов, ни каких-то мыслей. Была просто радость. Может, радость, как предчувствие? Может. Только предчувствие каких событий?

Додумать он не успел. Знаки на камне засветились ярче, и он смог различить... Древний, давно забытый язык, которому учил его прежний ведун. Тогда он казался ему пустым и ненужным. Но ведун настаивал на его изучении. А потом Оламер вспомнил, что мама пела ему песни на неизвестном

языке. Тогда он думал, что так говорят нелюди, но потом узнал, что и для них этот язык древний. И вот сейчас он видел, как на камне проявляются надписи на забытом языке. Опыта не было, и он с трудом сообразил, что отдельные знаки собираются в слова, из которых рождается фраза:

«Рцы и хабеи, кмень яром согрев, отмкни уста тайне...»

Он несколько раз перечитал надпись. Сначала с трудом складывая буквы в слова. Потом повторил слова, но ничего не происходило. В коридоре был мягкий рассеянный свет, исходивший от камней. Надпись на плите, перегородившей коридор, мерцала и переливалась. Откуда-то тянуло теплым воздухом.

Оламер постоял перед плитой, потом сел и устроился, скрестив ноги. Скоро он почувствовал, что глаза начинают слипаться. Сказывалась усталость последних дней. Он еще боролся с дремотой, но сон наваливался неодолимо ... Глаза закрылись, еще мгновение и Оламер заснул...

Когда он проснулся, то даже сквозь закрытые веки, видел яркий свет. Он осторожно открыл глаза. Высокая трава, яркое солнышко в небе, переливы птичьих трелей и воздух, напоенный лесной свежестью. Оламер не мог понять, где он, как выбрался из подземного тупика?

Прямо к его носу свесилась красная ягода. Он медленно, словно боялся спугнуть ее, протянул руку и сорвал ягодку. Терпкий аромат пощекотал ноздри, и рот освежило кисловатым соком. Он попытался сесть, но тело наполнила слабость,

и он не мог пошевелиться. Все же медленно перевернулся на живот. От земли пахло теплом, непередаваемым ароматом трав, прелых листьев и ягод. Он заметил, как по травинке торопится куда-то муравей. Проследил за ним взглядом и увидел, что крохотный муравьишка прыгнул с травинки на широкий лист и по нему, как по горке съехал на землю. Оламер поднял голову и, оказалось, что он лежит перед огромным муравейником. На его вершине собирались в кольцо муравьи-солдаты. Казалось, что вершину горы украсили венком. Только сейчас венок был серый и шевелящийся. Когда кольцо муравьев сомкнулось, Оламер ощутил давление на виски, а потом в голове зазвучала мысль:

– Ты человек? Почему ты здесь, на наших землях? Нас никто не предупредил...

– Я не знаю, как я оказался здесь.

– Не старайся объяснить, мы видим все, что с тобой происходило... Но раз тебя пустили в этот мир, то должен быть и поводыр... Почему ты один?

– Он не один, я пришел за ним, – вмешался в мысленный диалог третий голос. Был он громким и раскатистым. Оламер поднял голову и обмер. Перед ним стоял огромный вороной конь с белым рогом, торчащим из середины лба. С каждым выдохом из ноздрей вырывались клубы пара, в глазах металось пламя.

Конь наклонил голову к лежащему и сказал:

– Ухватись за мой рог. Наш путь не близок, но мы пройдем

его быстро, если ты не будешь валяться...

– Я не могу встать, руки и ноги стали слабыми...

– Я не прошу тебя вставать. Ухватись за мой рог...

Оламер слабыми пальцами взялся за рог и почувствовал, что руки будто приклеили к кости. А конь закинул его рогом себе на спину, оттолкнулся ногами, и, взмыл куда-то вверх. Больше Оламер ничего не помнил. Снова навалилась слабость, и сон сковал тело...

Он пришел в себя, когда конь громко цокнул копытами. Они стояли у входа в пещеру. Темнота за входом была такая плотная, что казалась стеной, закрывавшей внутренность подземелья. Конь тряхнул крупом и Оламер соскользнул на землю.

Он вспомнил тайну ночного мрака и попытался настроиться на нее. Но темнота в пещере оказалась не такой, как в прибрежном мире. Она приняла внимание Оламера, пропустила в себя, и там оно завязло, как муха в сладком. Оламер попытался вернуть внимание обратно, но вместо этого почувствовал, что пещера втягивает его. Будто кто ухватился за его внимание и тянул внутрь. Он оглянулся, и увидел, что огромный конь сзади наступает на него, грудью подталкивая в пещеру... И он вошел. Плотный, осязаемый мрак обхватил его, но тут же выпустил и он оказался в слабо освещенном пространстве. Стены пещеры поднимались высоко, и сводов не было видно. А впереди мерцал свет поярче и Оламер пошел туда. Скоро он попал в огромный подземный

зал. Ни стен, ни потолка он не видел, зато хорошо различал возвышение в центре, на котором стоял сундук. Он чувствовал, что сундук для него очень важен. Так же, как его тянуло внутрь пещеры, сейчас потянуло к сундуку. Он подошел и откинул крышку. В сундуке лежала книга. Оламер взял ее, раскрыл и удивился. Страницы были чистыми. Ни знаков, ни букв, даже пыли и грязи не было на них. Он хотел положить книгу обратно, но странное ощущение возникло в груди. Он смотрел глазами на пустые страницы, а в груди, как тогда, на опушке леса, открывался другой глаз. И сердечным зрением он видел на страницах книги какие-то письмена, но не мог их разобрать. Он замер, слушая новые переживания, и почувствовал, как со страниц книги в сердечный глаз вливается поток силы. Он входит в грудь через отверстие око и наполняет сердце.

А потом сознание ушло, и он жил только ощущениями сердца. Оно приняло силу, укрытую в невидимых письменах, и сначала билось с болью, но скоро успокоилось. Это было странное переживание, когда чувства затмили разум. А мгновение спустя он оказался внутри своего сердца и увидел там седого старца, который сидел в переливающемся круге.

– Ты кто? – спросил Оламер

– Твой дух!

– Почему же ты такой старый?

– Потому что стар и ты. Телом ты крепок, а духом умудрен.

– Во мне живет старость?

– Старость – это немощь. А я – мудрость и опыт...

– И что же ты хочешь мне сказать?

– Зачем тебе что-то говорить? Ты и сам знаешь все, а теперь, когда принял сокровенную книгу, тебе нет нужды слушать советы. Любые ответы в тебе, нужно только правильно спросить...

– Но как спросить? Я не понимаю, что значит правильно!

– Ты все знаешь, только не торопись, и твои вопросы родятся сами. Задашь их себе и получишь ответ. Разве не этого ты хотел всегда?

– Я и сам не знаю, чего я хотел...

– Не знал... А теперь понимаешь, что стал властелином своих мыслей. Прими сердечную силу и наполнись ею. Тогда все для тебя будет понятным и ясным...

Голос поплыл и Оламер снова очутился в огромном зале, возле открытого сундука. Книга в его руках сама собой захлопнулась, и ее мерцание постепенно угасло. Он стоял в потемках, сквозь которые к нему пробивался слабенький свет из коридора. А книга отяжелела и руки опустились. Он уронил ее в сундук и машинально закрыл крышку. И почувствовал нетерпеливое желание куда-то бежать. Подчиняясь ему, он пошел на свет коридора и скоро оказался перед пеленой тьмы на выходе. Он шагнул в темноту, на миг почувствовал холодное прикосновение и вышел на свет.

Тишина «не жизни»

На площадке перед входом в пещеру клубился туман. Сначала Оламер подумал, что провел в пещере целый день и вечерний туман закрыл от него путь обратно. Но туман перед входом был странным. Он всмотрелся в молочно-белые струи и увидел, что в их переплетении стоит молодая, красивая женщина. Он узнал свою мать. Он хотел подойти ближе, но женщина предостерегающе подняла руку, и в голове у него прозвучало:

– Ко мне нельзя приближаться. Я – только туман. Если ты коснешься меня – я исчезну... А мне нужно быть рядом...

– Ты моя мама?

– Я та, кого ты хочешь видеть сейчас...

– Но я даже не вспоминал маму...

– Я отражаю твоё желание, а оно не в голове. Оно внутри, и ты его не замечаешь... Но раз я похожа на твою мать, значит её ты и хотел видеть.

Оламер задумался. Наверное, эта туманная женщина права. Он не вспоминал о матери, но после встречи в храме нелюдей в нём ожила память о её руках и запахе свежести, исходившем от её волос. А теперь перед ним появился ещё и образ. Женщина сказала:

– Я укажу тебе дорогу к тишине. Ты не знаешь её, но когда прикоснешься, то поймешь, что в ней есть все...

Туманная женщина поплыла в сторону от пещеры. Оламер пошел следом. Они спустились по тропинке, и женщина указала рукой на вход в другую пещеру

– Тишина здесь! Войди и она примет тебя... Не бойся, ибо страх отразится от тишины и обрушится на тебя. Входи спокойно.

Оламер подошел к входу и остановился на границе темноты и дня. Он чувствовал, как в спину течет поток силы дня, передняя часть тела, погруженная во тьму пещеры, леденела от силы тьмы. Оламер вспомнил тайны дня и ночи и попытался уравновесить два потока. Но сразу же почувствовал, что сила тьмы давит мощно, и сила дня не может противостоять ей. Тогда он повернулся спиной к темноте и принял грудью поток силы дня. И услышал за собой дребезжащий смешок:

– А ты ловок, ведун! Сообразил, как можно пересилить тьму. Вот только все ли ты знаешь о ней? Заходи в пещеру, не бойся. Здесь ты жданный гость и получишь то, что назначено для тебя...

Оламер снова встал на границе тьмы и дня. На этот раз он не чувствовал холодной мощи, а просто вошел во тьму, как будто окунулся в привычный и давно знакомый мир. Войдя, он думал увидеть обладателя дребезжащего голоса, но, когда перешагнул границу света и тьмы, окунулся в тишину. Она со всех сторон обволакивала его. Не та, что случается в минуты перед рассветом. В той тишине все равно слышишь

хотя бы ток крови в теле. Здесь же тишина была полной, в ней вязли все звуки и ощущения. Оламер хотел шагнуть вперед, но его желание тут же погасло. Тишина растворила его в себе. Мысли вспыхивали и сразу же гасли, как падающие звезды на осеннем небе. Все съедала тишина. Оламер открыл рот, но звук голоса тоже погас в тишине пещеры. Он еще чувствовал, но ощущения притуплялись и с каждым мгновением становились зыбкими. Тишина окружала, проникала внутрь, подавляла волю, растворяла мысли и желания.

Оламер понял, что скоро вообще перестанет чувствовать, мыслить, жить... И когда пришло это понимание, внутри взбунтовалось стремление вернуть все, что уже было в его жизни. Он хотел света и тепла, ветра и холода... Он хотел вернуть былые ощущения, но... Жизнь не торопилась возвращаться к нему. Он понял это, когда почувствовал, что из тела утекает нутряная вода. Казалось, что открылись какие-то отверстия и то, что несло в себе искру жизненной силы, сейчас изливалось в тишину и гасло в ней. И тогда он смирился. Понял, что не сможет противостоять тишине, и принял ее. Впустил в сердце, и прекратил бесполезные метания. Принял наступающую тишину, как благо и ждал, когда окончательно растворится в ней. Но едва тишина вошла в него, не встречая сопротивления, как все изменилось. Из глубин тьмы перед Оламером появился невысокий улыбающийся старик. Он внимательно посмотрел в глаза ведуну, а потом небрежно, будто старую тряпку, скомкал темноту пе-

щеры в ладонях, и отшвырнул в сторону...

– Вот видишь, жданный гость! Не противься тому, чего не знаешь... Сколь ни борись, а все одно тишину не одолеешь, пока не поймешь ее основу. За ней и пришел, я это знаю. Да только перед тишиной гордыню свою смирить надо. Она гордецов не любит. Кто с ней начинает бороться, тот в ней и растает. Понял ли ты это?

– Да. Я и не боролся, а все едино, что-то навалилось...

– А ты так и не понял, что с тобой приключилось? Тебя не простая тишина окружила. С той ты бы справился... Здесь тишина иная, с другой стороны...

– Этого я не понимаю...

– А еще считаешь себя ведуном...

– Я уже давно понял, что мои умения лишь детские игры...

– Вот именно! Ты вспомни, как в вашем мире жизнь завершается.

– Смертью... Или гибнут, или умирают от болезней, но всегда смерть в конце...

– Вот поэтому ты тишину понять и не смог. Есть жизнь, есть не жизнь, а есть смерть. Так смерть – она только к тем приходит, кто много злобы сотворил и сам ею пропитался... А все остальные уходят в мир неживого. И тишина эта – оттуда. Тишина не жизни...

– Я такого не знал...

– Ты многого еще не знаешь! Но тебе дано узнать все.

Вспомни, как встречался со своим Духом. Он мудр и опытен, но ты-то еще не готов принять его опыт... Вот беда для человека, когда Дух превзошел своего носителя. Ты готовил себя к великим подвигам, а Дух уже давно свершил все. Но ты не внемлешь ему и потому тормозишь себя на жизненных тропах. Ты – сын Великой Матери, и потому ты здесь, с нами... Но, чтобы понять нашу мудрость, прими тишину «не жизни», слейся с нею, войди в мир «не жизни». В этой тишине – ключ к главному в тебе, когда и тело, и Дух станут едины в стремлении и движении...

– Ты говоришь загадками... Я не знаю, чем отличается «жизнь» и «не жизнь». Я хочу это понять, но та тишина, что спеленала меня сейчас, мне непонятна. Я боюсь, что не сумею проникнуть в ее глубины.

– Все потому, что цепляешься за жизнь! Да только не жизнь перед тобой, а подготовка к смерти. А вот то, что вы считаете «не жизнью» для вас и есть Истина. Но ты боишься, и твой страх мешает принять Истину...

– Подожди! – взмолился Оламер. – Я не смогу понять всего, что ты сказал. Мне нужно время.

– Времени у тебя нет, как нет его вообще. Ты сейчас и есть само время. Пока ты ждешь событий, они происходят, но стоит только отказаться от них и время остановится. Вспомни, как искал щель! Нашел, шагнул на тайную тропу и сразу оказался далеко от прежнего места. Думаешь, колдовская сила помогала перескочить из одного леса в другой? Нет! То

время остановилось. А там, где его нет, там и пространство исчезает. Вот и получилось у тебя сразу перенестись через множество препятствий.

– Я совсем запутался. Время, расстояния, тишина «не жизни»! Объясни мне все...

– Тебе Дух твой уже сказал, что нет более вопросов, на которые у тебя не было бы ответов. Ты рожден Великой Матерью, и она передала тебе наследство. Но в муках бытия ты забыл все, что упрятано в тебе. Пора вспомнить... Для этого нужно немного: войди в тишину «не жизни», растворишься и все, что было спрятано в тебе, станет явным. А ты перестанешь искать ответы, ибо все будешь знать. Даже еще не произнесенные вопросы...

Старик замолчал. Внимательно смотрел на Оламера, будто ждал его слов. Но и ведун молчал, придавленный неожиданным знанием. Старик, видимо понял, что не дожидается ответа, заговорил сам:

– Ты сейчас еще во власти бытия. Но в тебе уже посеяна искра Истинной Жизни. Осталось ждать, когда она вспыхнет и разгорится. А сколько будешь ждать – зависит от тебя. Будешь суетиться, как и раньше – не скоро полыхнет Искра, а может и никогда. Но коли пойдешь опасности навстречу, да станешь смотреть на нее не как на опасность для тела, а как на урок для Духа, тогда Искра разгорится и ее пламя сожжет в тебе преграды перед глубинным знанием. Тогда и станешь Ведающим! Ты откроешь дорогу и предстанешь пе-

ред Истиной. И поймешь окончательно, что эта жизнь – и не жизнь вовсе, а так, погоня за бедами. Перестанешь от них прятаться, и они тебя больше не увидят. Пока их боишься – ты для них открыт! А как избавишься от страха – закроешься... Никто не сможет причинить тебе вреда.

– Но как это сделать? Научи – не бояться. Я же человек! Я не могу поступать так, чтобы сердце одинаково ровно билось и в радости, и при опасности...

– Пока зовешь себя человеком, но понимаешь под этим лишь тело – все так и будет! А когда поймешь, что тело – это только малая толика человека, вот тогда и взойдешь на высокую ступеньку...

– Как понять и взойти?

Старик улыбнулся и начал таять. Оламер смотрел, как оплывают контуры, тело становится прозрачно-туманным и сквозь него просвечивают каменные стены пещеры. А потом старик пропал вовсе. И вновь его обступила тишина. Живая и обволакивающая, растворяющая в себе. Но сейчас она обняла его ласково, и он почувствовал, что в его сердце из плотной тишины входит что-то..., попробуй объясни это: сгусток, огонек, искорка... Не поймешь. А в сердце стало тепло, радостно, а потом чувство разлилось по всему телу. Оламер и не заметил, как плотная тишина выдавила его из пещеры. Опомнился только под лучами вечернего солнца.

Он огляделся. Сколько пробыл в этом мире, а ничего не видел. Не до того было. А сейчас смотрел во все глаза, чтобы

запомнить, каков он – мир первопредков.

Только ничего толком разглядеть не смог. Стоял на площадке перед входом в пещеру и смотрел вдаль, а дали не было... Привычный горизонт исчез. Вместо него возникали картины в полнеба величиной: то он видел бесконечную зелень леса, из которой кое-где торчали руины каких-то строений... Потом в небе мигнуло и он увидел океан, а по нему плыли корабли Бури... Еще раз мигнуло, и перед его взором открылась картина: то ли люди, то ли волки сидели на поляне вокруг сияющего шара. Один из них встал, подошел к шару поближе и упал так, чтобы грудью удариться о него. И едва коснулся шара – исчез...

Еще раз мигнуло, и он увидел Овелу. Она стояла на кромке воды и вокруг нее перевивались полосы сиреневого тумана. А из них появлялись диковинные существа. Овела стояла среди них и руками разгоняла струи тумана. И когда ей удавалось это, звери становились яркими, отчетливыми, но почти сразу начинали оплывать, словно шкура с них слезала. А новые волны тумана накатывали на берег, и звери в нем обретали прежние формы.

Оламер засмотрелся на картины и очнулся, когда почувствовал, что кто-то толкает его в спину. Он оглянулся и увидел давешнего коня с рогом на голове.

Конь раскатисто всхрапнул и мотнул головой, показывая Оламеру на свою спину. Ведун послушно ухватился за рог, и конь забросил его на круп. И едва Оламер коснулся конской

спины, навалилась слабость, сон придавил, он припал головой к шее животного...

Очнулся он перед каменной перегородкой в подzemелье. Стены все также слабо светились, но сзади отчетливо тянуло прохладой... Оламер обернулся и увидел, что коридор освещен дневным светом. Он пошел на свет и скоро оказался перед ступенями наверх. Плита была сдвинута в сторону. Он выбрался на землю и увидел вокруг плиты множество следов своих ног, рук. Да и сам он был перемазан землей так, словно долго и трудно поднимал плиту. Усталость в ногах и руках, дрожь в теле... Так что же было-то? То ли он сам своротил плиту, спустился в подzemелье и там, в каменном тупике от усталости провалился в беспамятство. То ли действительно побывал в мире первопредков?

Он присел на корни дерева, привалился спиной к стволу и почувствовал, как ток земной силы вливается в него. Усталость уходит и появляется покой. Он прикрыл глаза, и в темноте безмыслия возникло лицо улыбающегося деда. Тот говорил:

– Устал? Отдыхай и думай, ищи в себе, а не снаружи... Был – не был, какая разница! Главное, что задумался... А там и откроешь... Не спи, а живи! Не бойся, а принимай! Твое спокойствие в тебе!

Дед улыбнулся и пропал, а в темноте безмыслия завихрилась тишина «не жизни». Оламер явственно увидел ее: бесформенную, плотную, обволакивающую. И еще он понял,

что тишина «не жизни» живая. Она окружила его со всех сторон, и он услышал мягкий голос: не ищи меня в стороне. Я с тобой всегда, только найди вход в меня. Он рядом, оглядись...

Он осмотрелся вокруг и увидел. Скорее даже почувствовал за спиной сгусток, похожий на темное облачко.

– Что это?

– Твоя смерть. В ней вход в меня... Только ты боишься ее, вот и со мной не можешь соединиться. А ты не бойся... Смотри: вот жизнь, а вот смерть.

Он увидел, как жизнь холодным отстраненным потоком струится вокруг него и омывает облачко смерти, будто вода обтекает стоящий в ней утес. А голос тишины продолжал:

– Это твоя телесная жизнь. А если ты войдешь в меня и станешь со мной одно, то жизнь изменится...

И Оламер вошел. Тело растворилось в тишине «не жизни» и перед ним раскрылся сияющий мир. Отдаленно это напоминало океан. И он был вне океана и в нем одновременно. И чувствовал, как все вокруг заполняется тишиной «не жизни» и покоем, равного которому он никогда не испытывал. То был покой мудрости и абсолютного знания. Оламер понял, что, слившись с океаном, стал знающим. Он еще по привычке считал себя телесным Оламером, но тела уже не было. Оно растворилось, как соль в воде. И не требовало больше внимания к себе. Его мысль высвободилась из телесной конуры и могла свободно витать на просторах океана. Он вспомнил

свою мать и тут же из глубин света возник ее образ. Она посмотрела на него с улыбкой. Потом сказала:

– Я ждала тебя раньше, сынок! Сейчас ты здесь, с нами и примешь все, что есть во мне, в твоих предках...

– А что вы здесь делаете? Только на нас смотрите?

– Ты постарел, сын, и мысли у тебя старческие... Разве ты не видишь, что этот покой живой и он развивается, пополняется силой, которую мы создаем. Нас много, очень много, но мы одно и собой мы наполняем свет, а он проявляется нами и познает себя. Смотреть на вашу явленную жизнь скучно и бессмысленно. Мы знаем все, что случится завтра, через сто лет... Зачем же тратить силы на этот взгляд? Вы думаете, что время несется мимо вас. А на самом деле вы идете по линии времени, и это рождает иллюзию движения. А мы вне времени и видим все сразу.

– Тогда скажи, что ждет меня...

Мать улыбнулась и ласково посмотрела на него:

– Все будет хорошо! Жить, зная все наперед, трудно! Да и опасно! Ибо появляется желание переиначить свое будущее. Но ты связан тысячами нитей с другими, и меняя свое будущее, меняешь и их судьбу. И груз чужой предопределенности, взваливаешь на себя. Сможешь ли вынести такую ношу?

Не спрашивай. Ты и так знаешь много больше других. Тебя ждут в твоём мире. Пока ты не готов, да и не хочешь вернуться к нам. Но час наступит – и придешь. Не как поверженный, но как победитель! Помни это! И еще знай, что мы

всегда рядом и ты с нами. Любая угроза – это только опасность для тела. Сейчас его нет, но стал ли ты хуже? Думай об этом...

Люди или волки?

Оламер очнулся. Он все так же сидел у ствола дерева и незрячими глазами смотрел на лесную жизнь. Он еще чувствовал в себе океан иной жизни, но реальность постепенно вытесняла видение. Он уже слышал щебет птиц, начинал различать запахи. Солнечный свет пробивался сквозь листву и трепетными пятнами падал на землю. Ведун смотрел на него отрешенно, но сознание с каждым мгновением прояснялось, и он соединялся с потоком жизни, впускал его в себя. В какой-то миг вспомнилось видение: облачко смерти за спиной и холодный поток жизни вокруг. Но воспоминание тут же угасло, размытое звуками, запахами, светом и тенью окружающей реальности. Путешествие в мир предков, разговор с матерью – все казалось сейчас воспоминанием о глубоком и ярком сне. Бывают такие грезы, когда после пробуждения не можешь сразу отделить явь от фантазий... Но жизнь вторгается в мечты и убирает их в кладовые памяти... Насущные проблемы и заботы становятся главными и заполняют внимание...

Посидев возле дерева, Оламер поднялся и с удовольствием потянулся. Тело затекло, и он разгонял застоявшуюся кровь... Огляделся и увидел возле корней дерева прямоугольник очищенной от лесного мусора земли. Он смотрел на него и в воображении поплыли картины недавнего путе-

шестивия. Только было ли оно на самом деле? И вспомнилось: «Отдыхай и думай, ищи в себе, а не снаружи... Был – не был, какая разница!» Слова звучали в нем, но откуда они? Ведун помнил, что слышал их совсем недавно, вот только от кого? Мирская, проявленная жизнь выдавливала из него воспоминания о пережитом и заменяла их сомнениями. Он постоял над расчищенным пятном земли, а потом отвернулся и шагнул с поляны под сень деревьев. Всю жизнь ведун провел в Прибрежном мире, среди скал, а сейчас шел под деревьями и не удивлялся ничему. Будто вернулся в знакомый и приветливый мир... Да и шел он, не думая о дороге. Внутренняя сила повернула его куда-то, и он шагал по мягкой земле. Знал только, что идет туда, где его ждут. И пришел... Снова оказался перед стеной кустов, сквозь которые виднелось пространство. Он раздвинул ветви и посмотрел на поляну. На поляне сидели... Кто? Люди или волки? Оламер растерялся. Из памяти возникла картинка: вокруг сияющего каменного шара сидели то ли люди, то ли волки... Это он и видел сейчас... И Оламер решился – шагнул на поляну. Фигуры не шевельнулись. Только один повернулся к нему, и Оламер увидел человека, на плечах которого висела волчья шкура, а голова зверя прикрывала голову наподобие шлема. Ведун вспомнил, как сам совершал ритуалы в плаще из медвежьей шкуры. Череп животного он надевал на голову, а шкурой закрывал спину. Считалось, что такой плащ помогает черпать из мира зверей силу и мудрость. Звери связаны с живым ми-

ром тысячами нитей, и умение пользоваться этими связями помогало народу Прибрежья и в охоте, и в столкновениях с врагами. Но то, что Оламер видел сейчас на поляне, не было ритуалом. Люди-волки сидели вокруг сияющего шара и впитывали его силу. Тот, который обернулся на звук его шагов, молча подвинулся и указал место рядом. Остальные лишь посмотрели на гостя. Ведун сел и почти сразу ощутил, как по кругу пробегает волна силы. Он вошел в кольцо и стал его частью, но сохранял самоощущение. Он же ведун, он пришлый и не может полностью слиться с этими существами. Хотя слияние с ними принесло бы покой. Но поверх глубинного покоя людей на поляне, билась и пульсировала тревога, рожденная мыслью ведуна. Он спросил:

– Вы не боитесь?

– Кого? На эту поляну могут войти только те, кого мы позовем. Ее не найти без нашего зова.

– А вдруг случайно кто наткнется...

Он увидел, как люди в круге заулыбались. А тот, с кем говорил Оламер, ответил:

– Случайности бывают у тех, кто в них верит. Мы знаем, что любая случайность предопределена. Есть великие законы, которые правят миром. Ты думаешь, что случай привел тебя к нам. А мы знаем, что это цепочка событий связалась так, что ты оказался здесь.

– Но для чего?

– А вот это нам предстоит понять вместе. Ты пришел сю-

да, повинуюсь тайному Зову. Мы ждали, что из мира к нам придет человек, но не знали кто. И вот ты здесь. Ты нас опасешься, хотя раньше ты боялся «нелюдей». Ты понял их и теперь знаешь, что они не враги. Мы тоже не враги, хотя и не друзья. Мы стараемся не встречаться с людьми. Они боятся нас, и мы хотим, чтобы их страх ограждал нас от досужего любопытства.

– А кто же вы?

– Мы охраняем древнее наследие. Оно укрыто в нас, но каждый носит лишь часть общего. Когда мы собираемся вместе, мы можем пользоваться всей силой наследия, но это бывает нечасто, и мы привыкли полагаться только на то, чем владеет каждый.

– И для кого вы сохраняете?

– Есть пророчество, в котором сказано, что придет не зверь, но и не человек. Он сотворит чудо, не желая того, и откроет нам то, что мы давно ищем. Вот и ждем пришествия. Мы можем ждать долго. Года над нами не властны. Трудно стало собираться вместе, ибо снова пришел народ Бури и связывает нас.

– Да что это за народ такой? Всех делит, рвет на части, гонит ужасом...

– Не знаю. И в древних ведах о нем говорится, но откуда он, кто его посылает – о том не сказано.

– Я с ними столкнулся. Они идут к нашей земле, чтобы согнать нас. Для чего?

– Это мы знаем. Они хотят покорить «нелюдей», да не могут к ним приблизиться с моря. Те их же силу используют. Оградили себя стеной и не подпускают с моря никого. А если бурейцы вас сгонят, смогут свою стенку по суше поставить и тогда конец «нелюдям». Те будут заперты: сзади океан, спереди стена, с боков скалы. Не вырваться.

– А для чего людям Бури это нужно?

– Кто их знает! Мы смогли уцелеть потому, что не вступали с ними в бой. Мы уходили от них через щели пространства и времени. Они тех путей не ведают.

Храм сердца

Густая зелень леса тянулась во все стороны, насколько хватало взгляда. Казалось, что землю обложили пористой зеленой губкой. Кое-где над ровной плотностью листвы торчали кроны высоких деревьев, но они только подчеркивали однородность зеленой поверхности леса. В скалах Прибрежья зелень была скудной, и Оламеру почудилось, что он стоит на берегу океана, его зеленая вода неспешно перетекает, словно сама по себе. Но только на мгновение. Потом он снова увидел плотную зелень листвы, почуял накатывавшие на него запахи леса. Ведун повернул голову и увидел, что вожак людей-волков тоже к чему-то принюхивается. Он ловил носом воздушные струи и читал их. Потом повернулся к Оламеру и сказал:

– Бурей пахнет. Опять они подбираются к нашему лесу. Придется уходить в развалины

– Куда? – не понял Оламер, а вожак указал на горизонт. Ведун присмотрелся и различил темную точку на ровном зеленом фоне.

– Что там? Я не вижу, очень далеко...

– Развалины храма. Раньше мы были в том храме хозяевами, а теперь там птицы и летучие мыши.

– А вы?

– Мы ушли. Народ Бури вырвал леса вокруг, и нам нельзя

было спрятаться от них. Тогда пришел Отец и указал нам дорогу.

Ты хочешь сказать, что вас кто-то спас?

– Не кто-то – Отец. Мы его хорошо знаем. Он всегда с нами, мы с ним говорим, спрашиваем. А когда пришла беда, он появился. Как облачко на небе появляется неизвестно откуда, так и он возник в дальних залах храма и вышел к нам. В другое время мы, может, и не поверили бы, а тут просто выбора не было. Он вывел нас из храма и указал щель в пространстве. Мы ушли в нее и были там долго. Хотя... Это здесь прошли годы, а там – только краткий миг. А когда вернулись – увидели вместо храма развалины.

– Зачем же нам туда? Если люди Бури разорили ваш храм, как мы спрячемся в нем?

– Они разрушили только стены. Сердце храма нетронуто. И мы приходим к нему, чтобы отогреться в его любви и доброте. Оно любит нас, а мы любим его. И когда две любви встречаются, они становятся одним облаком. И в нем мы очищаемся от всего, что пристало к нам в странствиях.

– Но я-то чужой!

– Сердце примет любого, кто откроется ему. Разве важно: наш ты или чужак? Ты с нами, и готов поделиться своим, так что не думай плохо.

Оламер хотел еще что-то спросить, но вожак прижал палец к губам и снова принюхался:

– Я чую беду! Буря идет...

– Как ты чувствуешь?

– Потом, все потом! Сейчас надо уходить, иначе от Бури не сбежим...

Вожак обхватил Оламера одной рукой за талию, а другой вцепился в его руку и потянул к краю скалы. Они шагнули со скалы вниз и... очутились в парном зеленом сумраке леса у подножия стен огромного сооружения. Вожак упредил вопрос Оламера:

– Мы прошли через щель пространства. Помнишь, я рассказывал об этом.

Оламер кивнул, а Вожак указал на пульсирующее пятно на стене. Оно набухало, расширялось и становилось рыхлым. Потом лопнуло и пролилось на траву потоком густого света. Вожак шагнул к нему, и потянул Оламера. Вблизи свет оказался похожим на язык. Поверхность была теплой. Пахло свежестью. Вожак и Оламер встали на язык, и тот втянулся внутрь пятна. Сначала была темнота, и Оламеру казалось, что она плотным густым мраком обняла его, проникла в каждую мысль. Он вспомнил тайну ночной темноты и хотел нащупать ее корень, но внимание оказалось запертым внутри тела, его не выпускали.

Мрак схлынул, и он увидел слабый свет, освещавший большой зал с колоннами, подпиравшими свод. А в центре висело золотистое облако. Оно слабо пульсировало и ведуну почудилось, что в такт пульсациям по залу прокатываются волны нежного света.

Вожак тронул Оламера за руку:

– Это и есть наше сердце. Скоро придут остальные, и сердце засияет для всех.

Оламеру показалось, что позади него, в темноте что-то произошло. Он резко обернулся и увидел оскаленную пасть волка. Дернулся, но пасть оплыла, как свеча под фитилем, и сквозь очертания волчьей морды появилось лицо. Человек улыбнулся и шагнул в сторону. А на его месте появился другой волк и тоже обернулся человеком.

Скоро в зале сердца собралась вся стая. Люди-волки взяли за руки и кольцом окружили облако. Оламер увидел, как кольцо связали сверкающие ниточки света. Оно засияло и от каждого к облаку потянулись наполненные любовью лучи. Сердце отозвалось, запульсировало, из глубины изливался поток ответной любви. Такого Оламеру переживать не доводилось. Любовь пронизывала его, растворяла и заливала счастьем.

А сердце засветилось ровным теплым светом. Он услышал в себе голос. Чей? Да сердца, больше некого! Голос спросил:

– Тебя привели дети мои. Значит, ты готов войти сюда. Кто ты?

Оламер смешался. А кто он? Великий ведун Прибрежного мира? Но после всего, что увидел, его ведовские возможности казались детскими играми. А голос внутри продолжал:

– Ты сомневаешься – и это хорошо, ибо без сомнения нет поиска. А твой поиск только начинается. Но есть ли понима-

ние цели?

Ведун почувствовал на себе невидимые нити. Они притягивали его, притяжение было мягким, оно словно просило:

– Подойди, не противься...

И Оламер шагнул к сердцу. Оно раскрыло перед ним сияющую глубину. Ведун на мгновение замер, а потом вошел внутрь...

Реальность легенд

Не было ни полета, ни провала... Шагнул и закрыл глаза, а потом открыл. Серый полусвет то ли раннего утра, то ли сумерек – не поймешь. Тишина. Даже птиц не слышно. Ни ветерка, ни шороха. А у ног кромка воды. Он привык к великому, безбрежному океану, переливающемуся волнами силы. А тут была стоячая вода. Такая же молчаливая, как тишина вокруг. Оламер огляделся. Он не мог понять, что здесь делать. К мгновенным переходам он привык, но сейчас сразу сообразить, где оказался и для чего – не получалось. В его прежней жизни все делали не спеша. Даже сражались. А здесь приходилось решать на ходу...

Он прошелся вдоль кромки воды до небольшого мыска, постоял на краю и хотел повернуть обратно. Но тут над головой зашумело. Он посмотрел вверх и обомлел. Над ним пролетала громадная птица. Он вспомнил древние легенды про волшебную птицу Сиварг. Неужели это она?

Птица пролетела, а Оламера накрыла волна ветра, поднятого ее крылами. Упругий воздух толкнул в спину, ведун качнулся, не удержал равновесие и шагнул в воду. Нога погрузилась по щиколотку и встала на плотное песчаное дно. Оламер сделал еще шаг и снова уперся в твердое основание. Он посмотрел в воду и на близком дне увидел след. Будто кто волочил по дну ношу и оставил борозду. Ведун погрузил

руки в воду и потрогал край борозды. Видимо она появилась недавно и еще не успела оплыть. Оламер выпрямился и посмотрел вдаль. Возле горизонта почудилось движение. Он вспомнил, что в древних легендах птица Сиварг выкармливала людей, а черный змей Ксантра поедал их. Воспоминания прервались внезапно, огромное и темное рухнуло на ве-дуна, скрутило, сжало так, что он не мог даже пошевелиться. На него пахнуло жарким, и он подумал, что жар исходит из пасти змея Ксантры. Сейчас его проглотит страшная тварь и на этом путешествие завершится. Жар усилился, и Оламер, потерял сознание...

Очнулся он от прикосновения к лицу. Но побоялся открыть глаза. Кто-то осторожно и ласково коснулся его лба, провел по щекам. И он услышал голос. Нет, этого быть не могло! Овела осталась в землях нелюдей, а он сейчас, наверное, уже в стране предков и его трогает чей-то дух. А голос он просто воображает.

Оламер приоткрыл глаза. Размытая картинка прояснилась, и он увидел склонившуюся над ним Овелу. Он хотел вырваться из морока, удрать от видения, но тело оставалось беспомощным и неподвижным.

А Овела увидела, что он очнулся, и сказала тихо:

– Помнишь, как ты меня успокаивал? Теперь я тебя... Все поменялось...

Оламер хотел спросить: где он, куда попал, и как здесь очутилась Овела. Но язык, губы не слушались. А она услы-

шала его мысли и ответила:

– Ты не бойся, здесь с тобой ничего не случится. Здесь я хозяйка! Без моего ведома никто в этот мир не войдет...

Ты прогнал меня из племени! Я тогда умереть хотела от горя, а смерти не было. Нелюди поменяли мою искру жизни, и она стала большая и сильная, и теперь я могу жить долго. А здесь проживу, сколько захочу... Ты пришел в мой мир. Сюда я впускаю только приятных мне. Тогда, в Прибрежном мире я ходила вокруг племени, хотела вернуться, но ты сделал так, что меня ближе, чем на полет стрелы не подпускали. Сначала чуть с ума не сошла от горя. А потом понравилось быть одной. Я больше не ходила к племени, а ушла к океану и разговаривала с ним. Сначала он меня только слушал, а потом начал отвечать. Я не знаю, как случилось, но мои слова вошли в его сердце, и океан отозвался. Он помогал мне дарами.

Когда было очень горько и обидно, выбрасывал на берег пустую раковину, я дула в нее, и горе уходило вместе с выдохом. А потом океан показал мне свои тайны. Я получила силу водяного огня. Потом, когда упала ночь, я вошла в границу воды и тьмы и приняла тайну ночи. А утром океан помог мне принять тайну рассвета. И сумерки, и день теперь мне знакомы. Я стала такой же, как ты, но поняла, чем отличаюсь. Ты – сын Великой Матери, а я – живой знак грядущих перемен. Я ведь первая девочка племени. В пророчестве помнишь, что сказано: рождение первой девочки означает нача-

ло заката родов. И вот я родилась. И океан поведал мне, что моя судьба – это судьба племени. Если бы народ принял меня, гибель была бы неизбежна. Ты прогнал меня, ты сказал, что я проклята. И это так. Только не проклятие, а судьба. Я не хочу вреда нашему народу, и я сказала об этом океану. Он молчал два дня, а потом выбросил на берег вот это.

Овела дотронулась рукой до амулета на шее. Серебристо-пепельный завиток, украшенный сияющими глазками самоцветов.

– Я взяла амулет и поняла, что нужно делать. Он открывает вход в мир легенд и преданий. Я ушла сюда. Сначала всего боялась, но скоро поняла, что мы сами окружаем страхом тех, о ком рассказывают легенды. И птица Сиварг, и змей Ксантра – они здесь. Змей не хочет никого пожирать, а птица высидивать яйцо нового мира. Они делали это столько раз, сколько мы рассказывали легенду. А теперь они свободны. Я нашла способ отделить мир легенд от мира людей. И освободила людей от страха перед легендами, а здешних обитателей от обязанностей, придуманных людьми.

Оламер смотрел на женщину и не мог понять всего, что она говорила. Для него древние легенды стали той частью жизни, которая изменениям не подлежит. А Овела продолжала:

– Я вошла в этот мир, переустроила его и теперь он не зависит от рассказов людей. А сейчас спи. Во сне к тебе придет все, что знаю я, и когда проснешься – будем вместе.

Она коснулась лба ведуна пальцами, и у того сладко зазвенело в голове, веки опустились и в темноте замерцали звезды. Он еще чувствовал, как тело словно растекается по плоской поверхности, а потом все пропало. Осталась звенящая, живая темнота. Потом появился далекий свет. Он приблизился, осветил все вокруг. А из него возникло суровое лицо. Человек был с длинными белыми волосами. Он строго посмотрел на Оламера. Рта не раскрывал, но ведун услышал:

– Ты избран идти путем Матери! Тайна седьмого имени откроется тебе! Ты начал служение, прими...

А дальше началось невообразимое: Оламеру казалось, что в него со всех сторон вливаются потоки, и тело уже переполнилось ими и вот-вот лопнет, но потоки все прибывали и заполняли внутри даже крошечные закоулки. А когда давление стало нестерпимым, в нем открылось огромное пространство, и потоки устремились туда. Но сколько ни лилась сила, она не могла заполнить внутренней бесконечности...

Глас Хозяина

Огромный багровый куб мерцал в полумраке зала. На высоком троне восседал грозный царь Бури. Тяжелый шлем закрывал голову, а от висков к плечам свисали литые пластины, похожие на меховые уши треуха. Царь отрешенно смотрел на куб, под одним из углов которого, слуги раскладывали огонь из маленьких кристаллов. Они добавляли кристаллы, и постепенно огонь разгорался. Огромный куб мерцал в полумраке. Царь смотрел в него и перед затуманенным взором проплывали картины. То возникло видение, как корабли его воинства плывут в океанских просторах. Следом появлялась картинка, где воины Бури выносили на берег мешки с багровыми кубиками. Аборигены в ужасе побросали все и убежали от кораблей. Их словно ветром смела сила солнца, преломленного в магическом кристалле на посохе Великого. Но грозный царь смотрел не на это. Он искал среди воинов одного, который лишь внешне походил на солдата армии Бури. Царь знал, что такой воин есть, он неотличим от остальных, и найти его можно было по особым признакам. И он искал. Для чего? О, это была важнейшая задача любого царя Бури! Потому что каждый, восшедший на трон, имел двойника – незаметного воина. Но связь между ними была такова, что любая беда с воином оборачивалась тяжким недугом для царя. И новый правитель народа Бури решил своего двойника

найти, приблизить и держать возле себя, чтобы тот всегда был на виду, не участвовал в битвах и походах. Правитель хотел восседать на троне долго, и сохранять здоровье... И вот сейчас он всматривался в лица воинов, искал двойника, с которым был связан странными узами. В древнем пророчестве было сказано, что двойники – суть антиподы властителей. И когда те совершают великие дела, антиподы могут творить мелкие пакости. А когда царь погрязнет в беспутстве и безделии, его антипод начнет выделяться царственной гордостью и великими замыслами... Словом, двойники уравнивали вознесенных к вершинам. Не только в делах, но и в остальном. Если двойник погибал в походе или битве, то и царю оставалось немного. Если он возвышался – царь хирел. Зависимость эта была непреложным законом царствования, и каждый правитель знал об этом и принимал, как условие своей жизни. Из всей плеяды царей Бури только двое сумели так устроить, что уравнивали свою жизнь с двойниками. Царствовали разумно, и двойники достигали высот! Но те двое так и остались недостижимы для последующих царей. Каждый приспособлялся, как мог. Нынешний царь решил своего двойника приблизить и содержать рядом, чтобы не допустить безрассудных действий с его стороны.

Сейчас царь смотрел на картины, проплывающие внутри багрового куба, и думал о том, что рассказал Великий. Тот единственный владел силой солнца, преломленного в волшебном кристалле. А царь знал тайну куба. Объединив уси-

лия, они могли бы приумножить свою мощь. Но Великий и царь всегда враждовали. Так уж повелось, что носители высших тайн Бури были врагами. Царь принял эту вражду от своего предшественника. А тот – от своего. Поэтому, прежде чем приблизить антипода, царю предстояло придумать, как обмануть Великого и заполучить воина в царскую свиту незаметно. Просто приказать, царь не мог. Великий сразу же понял бы, кто царский антипод и воспользовался этим. Что он мог сделать? Да что угодно! Упрятать антипода в каменную пещеру, на скудную пищу. И царь начал бы хиреть вместе со своим двойником. А еще, Великий мог приблизить царского антипода и сделать его своим слугой. И тогда царь тоже начал бы прислуживать Великому... Повелитель помнил древнюю мудрость: «Знающий тайное имя, имеет власть над его носителем...» А его тайное имя – это воин-антипод... И он не знал его... Пока не знал... Но чувствовал, что скоро тайна откроется и тогда важно будет удержать ее, не обмолвиться, не проронить неосторожное слово...

Великий рассказал, что во время морского похода, увидел над волнами сверкающий образ. И тот, чей образ сиял солнечной силой, летел перед кораблем, а вода кипела. Свет, идущий от образа, тормозил корабль, будто тот тянул за собой огромные сети. Великий видел это сам и направил на образ, преломленный в кристалле солнечный свет. И образ исчез...

Когда корабли пристали к берегу и силой ужаса изгна-

ли аборигенов, воины понесли багровые кристаллы, чтобы закопать их в землю и продолжить строительство колдовской стены. С кораблей воины выносили кристаллы, а когда раскрыли свои мешки, то в них оказался обычный черный уголь. Великий доносил об этом царю и делал вывод, что созданию стены мешает какая-то сила, о которой ни он, ни царь не ведают. Тоже задача, требовавшая царского вмешательства.

Он взмахом руки отпустил слуг. Те подгрести горящие кристаллы в кучку и удалились. Царь остался один перед огромным мерцающим кубом. То, что предстояло сделать, было тайной тайн, и только он владел ключом к проникновению... Великий знал и умел многое, но даже он не догадывался о главной тайне царя.

Царь встал на определенную точку перед кубом, запел тайное слово. Его голос рассыпался на мелкие звуки, усиливался пространством тронного зала и врвался внутрь куба. А там задрожало, мерцающим пламенем вспыхнуло, потемнело и царскому взору открылось новое видение: в темной пещере ровными рядами сидели странные существа. Они были похожи на людей, но то не люди. Царь это знал. Их было 99. Почему? Так повелось от изначала, и он принял это как данность. И никогда не задавался вопросом, почему их не сто?

Существа в пространстве куба сидели молча. Они не шевелились, не дышали, а только смотрели на царя. И тот за-

говорил. Он рассказал о том, что произошло, о новой силе, противостоящей постройке невидимой стены, о своих желаниях приблизить воина-антипода и оградить его от опасностей... И ни слова в ответ. Тяжелая тишина давила на царя, пригибала его к полу, и он понял, что от него ждут поклонения! Но эти 99 не стоят его царского внимания. Они лишь передают весть, если не могут помочь сами. Царь чувствовал, что их тяжелое внимание, желание нагнуть его, сомнут власть и уничтожат самого правителя. И потому стоял, сжав зубы. Как бы ни давила на него их сила, он должен выстоять. Эти существа – только начало пути в тайну. Что ждет там, он не знал. Когда его предшественник посвящал его в тайну, он представил нового властителя только этим 99. И сказал, что за ними есть еще уровни мощи. Но какие, и что будет там? Царь Бури стоял не сгибаясь, и видел, как молчание и равнодушные существа сменяется гневом. Они хотели преклонения, но столкнулись с упорством, не поддающимся их воле. Гнев обрушился на царя, как огненная волна. Он обжег его глаза, ударил по телу, но не сломил... Царь не сгибался, и тогда видение дрогнуло и существа исчезли. Вместо них возникли другие. Числом их было 13, и они сидели полукругом перед царем. Никто из них не проронил ни слова, но царь услышал их молчаливый вопрос:

– Кто ты и зачем потревожил нас?

– Я царь Бури! Мы делаем заповеданное нам от предков, но столкнулись с силой, которая не позволяет возводить

стену...

– Ты лишь властитель, но не царь! Мы твои повелители, но и мы не можем звать себя царями. Царь един, но ты о нем даже не знаешь! И в том твое благо, ибо не всякий может говорить с царем...

– Но меня посвящали на царство...

– Это просто форма передачи власти над людьми... Не обольщайся, ты властитель, но царь над нами един! Прими это и запомни: ты призвал нас не для споров. Ты впервые видишь нас, и потому мы тебе прощаем упрямство. Но это единственный раз. Больше противоречий мы не потерпим...

– А что вы можете? Я повелеваю народом, а вы...

Договорить он не успел. Тело сковало, а вместо языка во рту зашевелилось что-то холодно-скользкое. Он скосил глаза вниз и увидел, как изо рта высовывается хвост змеи и нервно бьет его по щекам. А голос внутри продолжил:

– Одно наше желание и змея оросит твое горло ядом, и поползет внутрь, и поселится в тебе, и будет медленно пожирать тебя. А ты, парализованный ее отравой, не сможешь даже шевельнуться. И будешь чувствовать, как она грызет тебя изнутри. Хочешь?

Царь не мог говорить. Холодный хвост змеи высовывался изо рта и обвивал шею. Он чувствовал в горле отверстую пасть гада и ужас и еще какое-то непередаваемо мерзкое чувство сковали тело, разум и волю... Он лишь мотал головой и мычал...

– Вот видишь, мы Повелители! Твоя гордыня хороша с нашими слугами, но здесь преклонись перед нами, ибо ты на пороге Царя, и войти туда сможешь только с нашего соизволения...

Голос гремел в нем, и казалось, он перетряхивает все внутри. Но вдруг смолк, прервался, исчез, и видение внутри куба тоже пропало. Теперь царь стоял перед пустотой. Не было никого – только безмолвное пространство. Но оно было живым. Из глубин пустоты на него обрушился поток внимания такой силы и мощи, что он уже не мог противиться давлению. Ноги согнулись, и он рухнул на колени. И внутри зазвучал ровный, глубокий голос:

– Встань! Ты царь, но помни, что ты царь людей. А сейчас ты стоишь передо мной. Кто я – поймешь! Но помни, что ты первый, кто прошел все ступени тайны. Ты говорил, что сила мешает возведению стены. Значит пора останавливаться. Ты и твои предшественники выполнили завет. Груз закопан и стены воздвигнуты. Их не видят и не чувствуют – это главное! С тебя начнется новое служение...

– Но стена не достроена...

– Это ты думаешь так, а я повелеваю: остановитесь! Вы сделали то, что могли и сейчас начнете новое.

– Какое, о Повелитель?

– Узнаешь в нужное время, а пока запомни главное: страх в обличье благости, трепет перед святынями и поклонение идолам, свобода, как наказание... Это основы твоего возвы-

шения...

Скоро на просторах этого мира вы посеете семена и увидите... Никто не узнает куда и как... Но вы унесете с собой ключи к тайне, которую народы будут возвышать до небес и станут поклоняться ей...

– Повелитель! Я исполню все, что ты говоришь! Но как?

– Все тебе будет дано! Твой народ покинет этот мир, но ты останешься в нем и будешь вечен, ибо твое служение началось сейчас и не прекратится ни на миг! Ты прошел ступени тайны и тебе открылось... Но за все нужна плата... Ты прикоснулся ко мне и стал моим тружеником. Твоя плата – вечное служение...

– Я хотел спросить...

– Я знаю твой вопрос. Твой антипод сам принесет тебе весть... Он должен на себе испытать твою мощь и наполниться страхом Великого служения! Запомни, страх непонятого – вот истинная основа людской покорности!

– Но если антипод будет в страхе...

– То ты обретешь бесстрашие! Ты единственный, посвященный к тайне... И больше не будет! Тебе нужно посеять заветы и собирать урожаи страхов. Тебе, а остальные будут служить. Не тебе, но страхам! Не бойся кануть в неизвестность! Людская память не стоит ничего, ибо важна память моя. А я о тебе не забуду!

– Повелитель...

– Ступай! Я призвал тебя, и ты пришел! Ты посвященный,

прими и возгордись внутри. Ибо всякая внешняя гордыня лишь оттолкнет от тебя, а внутренняя значимость добавит тебе, и люди придут, и поклонятся. И ты будешь знать, что делать!

Все пропало. Царь стоял перед мерцающим кубом в полумраке тронного зала и не мог осознать произошедшее: то ли пригрезилось ему, то ли на самом деле он сейчас был на пороге высочайшей тайны. Он был! Внутри ворохнулось что-то, и он ощутил, как по телу разливается сила. И еще он почувствовал невысказанную радость от того, что приобщен, а остальные даже представить не могут той силы, с которой он сейчас беседовал... Они как насекомые на тропе жизни. И в его власти наступить на них, или же помиловать... В его власти!

Внутри клокотал источник мощи, и он хотел, чтобы сила, заполнившая его, проявилась немедленно... Но тут же возникла холодная мысль: «Не спеши, ибо данное не уйдет от тебя! Ты вечен и тебе не нужно потрясать окружающих своей мощью! Тебе предстоит служение...»

В дальних покоях дворца раздался гулкий удар гонга. То правителя извещали, что прибыл гонец с вестью. Царь встрепенулся, стряхнул с себя оцепенение и взошел на возвышение, к трону. Там стоял небольшой гонг. Он ударил в него каменным молоточком. Ответный гул прокатился по тронному залу, проник за двери и возвестил, что царь готов принять гонца...

Куда шагнешь, ведун?

Опушки леса не было. Деревья стояли стеной и когда Оламер вышел из-под их сени, оказался на краю обрыва. А под кручей плескался океан. С детства знакомая бесконечная гладь уходила к горизонту, где солнце ныряло в расплавленное золото воды. Лес на обрыве стоял такой же густой, как и в чаще. Даже на отвесной стене кое-где росли кусты. За них Оламер цеплялся, когда начал спускаться к воде. Он очутился в знакомом Прибрежном мире, и сердце радостно колотилось...

Спустившись к кромке воды, он почуял неладное. Океан, возле которого он вырос, был другим. Оламер чувствовал, что перед ним другая Великая вода. Она наполнена жизнью, мощью, но в ней другое начало...

Ведун присел на корточки, окунул тыльные стороны ладоней в воду и сосредоточенно замер. Он слушал океан и вопрошал его. Но океан не принял вопроса. Вода откатилась от рук ведуна и обнажила каменистое дно. Оламер всмотрелся в отступающую воду и крикнул ей вдогонку:

– Я ношу в себе твою тайну, отзовись!

Но океан молчал. Оламер снова крикнул:

– Дай мне понять тебя! Я верну твою тайну!

Но и в этот раз океан промолчал. Отлив обнажал все более широкую полосу дна и Оламер шел следом за водой, в

надежде, что сейчас океан покажет ему что-то, что поможет наладить разговор. И не ошибся. Вода откатывалась назад, а в углублениях между мокрых камней, трепыхалась неосторожная рыба, пережидали отлив моллюски... Все это было знакомо Оламеру. Он искал знак, который помог бы понять чужую Великую воду.

За большим камнем что-то блеснуло. Оламер подошел к валуну и заглянул под него. Пока нагибался, что-то блеснуло снова, но когда наклонился, то ничего не увидел: только мокрая галька дна.

Он выпрямился и снова начал нагибаться медленно, не сводя глаз с камня. Примерно на середине наклона опять что-то сверкнуло. Оламер замер и присмотрелся к точке на камне, которая сверкала под лучами солнца. Издали ее можно было принять за вкрапление слюды, но он-то знал, что слюдяные блестки не могут вызывать такого сияния. Он заметил сверкавшую точку, наклонился над ней, в надежде рассмотреть ее более подробно. Сверкающий глазок в серой массе камня. Другой бы и внимания не обратил... Но Оламер знал тайну своего океана и надеялся, что подводная жизнь другой Великой воды мало отличается от знакомой ему... Потому и всматривался в сверкающий глазок с особым вниманием. Но искорка погасла, и сейчас он видел только прозрачный кусочек на серой поверхности валуна.

Он гладил его, пытался через него вниманием проникнуть в камень, но всякий раз натыкался на преграду и отступал.

Даже его внимание, не имеющее материальной сущности, не могло проникнуть внутрь каменной глыбы. Это и заставляло Оламера снова повторять свои попытки. Не прост, оказался камень, очень непрост. Но сколько Оламер ни старался, камень лежал молчаливой громадой и не открывался перед ним. А потом начался прилив. Вода стремительно прибывала и Оламер начал отступать перед нею. Но шаги давались трудно, словно ноги вросли в дно, и всякий раз приходилось отдирать их с трудом. А после нескольких шагов к берегу, он и вовсе остановился. Стоял, как приклеенный ко дну и не мог сдвинуться с места. А вода прибывала... Вот она закрыла лодыжки, поднялась до колен... Оламер попытался оторваться от дна, но океан удерживал его крепче любого силача. И он понял, что его зов услышан. Но океан решил просто забрать его, вместе с тайнами. Что проку было кричать о них, когда сейчас все его знания канут в воду и жизнь остановится.

Он еще дергался, пытаясь высвободиться, но сил не хватало, и он смирился... Не ждал такого конца, но видно Великий Джянга так распорядился судьбой ведуна... Смерти он не боялся, тяжело было сознавать, что не успел выполнить завещанное матерью... Но превыше ее Воли, была Воля Джянги. Ослушаться ее не мог никто, даже мать...

Вода поднялась до горла, сдавила грудь, и дышать стало трудно. Но голова была на воздухе, и Оламер смотрел в бездонное небо, словно хотел напоследок наглядеться на

голубую ширь. Он вбирал глазами бесконечность небесной лазури, наполнялся ею, и мысленно прощался с воздухом, солнцем, ветром... Он уходил и перед концом хотел сказать последнее «прости» своему миру... Его приключения, люди-волки, народ Бури, Овела в стране легенд – все отошло далеко, и он ни о чем не думал. Он просто вбирал в себя синь неба и посвист ветра, сияние солнышка и зелень океана. Еще мгновение и вода скроет его, последним судорожным вдохом втянет он соленую воду, и на том все кончится...

Однако вода больше не прибывала. Она достигла шеи ве-дуна и остановилась. Прилив кончился, началась пора спокойной воды. Над поверхностью океана торчала голова Ола-мера, а ноги были прилеплены ко дну. Он чувствовал, что его тела касаются какие-то щупальца, любопытные рыбы ты-каются мордами в него, но ничего не мог поделать. Вода так плотно сдавила тело, что не только ноги замерли в неподвижности, но и руки отяжелели, и он не мог пошевелить ими. Да-же дышалось трудно... А волны, набегавшие на берег, ока-тывали его голову, и он в промежутке между ними только успевал вдохнуть порцию воздуха.

По опыту жизни возле океана он знал, что приливы и от-ливы чередуются, но между ними много часов и он понимал, что продержаться не сможет. Палящее солнце сверху и зно-бящий холод океана снизу... Они вдвоем убьют его. И пото-му минутная радость оттого, что дыхание сохранилось, про-шла. Похоже, выхода у него не оставалось...

Время тянулось очень медленно. Казалось, что он просто-лял в воде целую вечность, а солнце только чуточку сдвинулось над линией горизонта. Он снова попытался оторвать ноги от дна, и почувствовал, что хват океана стал еще крепче. Совсем недавно он мог сгибать колени, а сейчас ноги окаменели и стали как два прямых столба. И оцепенение поднималось по телу вверх... Темное отчаяние закружилось под сердцем. Он чувствовал черный туман и понимал, что в последние мгновения не сможет противостоять ему. Тот захватит волю, мысль, погасит искорку жизни и утащит в свои дали. Как погибали герои? В преданиях говорилось о том, что они умирали с улыбкой на устах... Да разве в ней было дело? Важнее не допустить в сердце мрак отчаяния. Погибшим в бою было проще: удар противника – и ты уже на другой стороне жизни. А здесь Оламер понимал, что уход будет долгим и отчаяние тела может раздавить его волю, сомнет ростки Света, пробивающиеся в душе...

Возникла мысль: «Ты знаешь тайну океана... Сделай так... Ты же ничего не теряешь...» Он отогнал ее. Сейчас сознанием владело одно: он умирает, и должен страдать, мучиться, до последнего вырываться из липких объятий смерти.

А сквозь телесную панику пробивался внутренний голос: «Смерть будет, если ты продолжишь метания... Не хватайся слабыми ручонками за свое телесное существование и смерть отступит... Ты можешь... Поверь!»

Голос внутри уже гремел: «Умираешь не ты, погибает тело! Ты-то остаешься, ты на пороге свершений, не останавливайся!»

Телесный ужас отступил и Оламер почувствовал внутреннюю готовность. Не к чему-то конкретному, но готовность к действию... И вспомнил тайну океана... Он заставил кожу открыться навстречу воде. И ощутил, как океан проникает в него, заполняет тело, растворяет кожу, мышцы, кости и освобождает сокровенное внутри. И его мысль, освобожденная от телесных пут, устремилась в глубины океана. И соединилась с его душой.

Что пережил Оламер, сказать трудно. Полет, сияние, возвращение домой, прикосновение к родному... Все было в его ощущениях... Но главное, он понял, что Великая вода приняла его и доверяет ему...

Внимание вернулось из глубин, и он почувствовал, что в теле происходят необычные изменения. Стоило утихнуть телесному отчаянию, как начались трансформации, которые приспособили тело к жизни в воде. Он чувствовал, что по обе стороны головы, от висков до шеи, мерно колышутся жаберные крышки, и дыхание стало ровным, размеренным. Сердце еще взбрыкивало, но это от неожиданности. Он и не предполагал, что сможет чувствовать себя в воде словно рыба. А жаберное дыхание поменяло и взгляд на воду. Сейчас Оламер понимал, что вернулся в родную стихию и только высунул голову наружу, чтобы посмотреть на неведомый мир.

А в глубинах все было ясно и знакомо...

И он нырнул... Ушел в родные глубины, чтобы не травить себя наружным воздухом. Погрузился в темную глубину и поплыл на зов души Великой воды...

Новое состояние было упоительным. Он переживал восторг возвращения домой. Ловкое мощное тело уверенно двигалось в воде и уходило в глубины. Душа океана звала его, и он стремился к ней...

И снова увидел сверкающую точку. Она стремительно росла, раскрылась перед ним, как воронка и втянула ведуну..., исчезли жабры и Оламер снова задышал грудью. Но тело оставалось похожим на рыбу. Длинное, ловкое и сильное, оно стремительно двигалось в сверкающем тумане и проваливалось в неведомые глубины ...

Потом пропали ощущения тела, движения, полета... Была просто тишина и темнота, в которой вспыхивали и гасли искорки света. А следом началось пробуждение. Оламер чувствовал, что в нем просыпается кто-то огромный и величественный. Ведун Прибрежного мира по сравнению с ним казался крохотным муравьишкой. И все же это был он... В нем сочетались ведун и некто Великий. А вокруг по-прежнему была тишина и только колючие искорки света вспыхивали то тут, то там... Одна звездочка вспыхнула и больше не угасала. Ее свет стал устойчивым, ровным и она стремительно приблизилась к Оламеру. Сначала это была малая искра света, потом она превратилась в сгусток сияющего пламени

и почти сразу же распахнулись врата. Оламер замер на пороге. Его тянуло в раскрывшуюся сияющую бездну ... Свет приглашал его, но что-то внутри удерживало от последнего шага.

Наконец, он решился, вошел в сияющие просторы... И понял, что удерживало его на пороге Света... В нем горел темный огонь страхов и нерешительности... Людей пугает неизвестность, а в глубинах света его ждало неведомое, и привычки сопротивлялись...

И тогда Великий, что проявился в Оламере, отринул привычки, свет расступился, и открылась вертикальная щель, еще более яркая, чем сам свет. Облако страхов осталось перед ней и Оламер, освободившись от груза привычек и переживаний, словно легкое перышко впорхнул в эту щель. Бесплотный голос прозвучал в нем:

– Ты избавился от груза и стал свободен! Чувствуешь это?
– Да, действительно, мне стало много легче...
– Ты избран и потому тебе дана возможность – сбросить с себя груз привычек... А теперь тебе предстоит важное...
Смотри, запоминай и решай...

Вихрь подхватил ведуна, а потом вокруг посветлело и он увидел... Нет такого он не ждал... Да сразу и не понял – куда его вынесло.

Он стоял на раскаленном песке, а вокруг люди в пятнистой одежде убивали других людей в такой же пятнистой одежде. Шла странная битва. Таких Оламер никогда не ви-

дел. Вместо мечей и дубин, люди держали в руках короткие фигурные трубки, которые с треском плевались огнем. И другие люди – напротив – падали и замирали в странных позах. А потом он увидел огромных железных чудовищ, которые с воем и грохотом неслись по песку. За ними до небес вздымались клубы пыли. Чудища на мгновение замирали, плевали сгустком огня, и вдалеке вырастал фонтан земли и песка, потом медленно оседал, и после него на земле валялись убитые.

Люди в пятнистой одежде были очень похожи друг на друга. Оламер сначала подумал, что они все заодно, но скоро понял, что одни убивают других с помощью невиданного в их мире оружия.

Вокруг него снова завихрилась пыль, и он увидел, что с неба падают такие же пятнистые люди. Над головами у них полоскались надутые купола. Едва коснувшись земли, они начинали стрекотать огнем в сторону таких же пятнистых людей. Те отвечали и с обеих сторон на песок падали мертвецы...

Вновь мигнуло, короткая вспышка ослепила его, и он оказался на берегу океана. Бесконечная водная гладь, от багрового солнца над горизонтом тянулась дорожка расплавленного золота... Он был в знакомом мире, но что-то настораживало его... Он осмотрелся и понял, что берег океана пустой, мертвый. Только голый камень прибрежных скал. Он смотрел на океан с берега. А потом сильно оттолкнулся и

нырнул в глубины. На мгновение охватило тягостное ощущение, что погрузился во что-то вязкое. Потом понял, что вода, обнимавшая тело, жжет кожу. Зуд, жжение словно облаком окружили его... А голос внутри подсказал:

– Лучше выйди на берег ... Это уже не вода. Здесь люди оставили столько всякого, что вода превратилась в яд и убила все живое... Хочешь увидеть? Смотри...

Перед его взором воды расступились, и он увидел на дне океана горы мусора и грязи.

– А теперь посмотри, что стало с селениями...

Он мгновенно перенесся в странное место. Он стоял на каменной равнине, а со всех сторон окружали высокие похожие друг на друга скалы со множеством отверстий. В некоторых был свет, некоторые зияли темными провалами. А внутренний голос объяснил: теперь так живут люди. Они собрались в одно место и назвали его городом. Твой взор может видеть внутри этих строений, смотри...

Оламер посмотрел на ближайшее строение и ничего не понял. Взгляд его пронизал каменные стены, и он увидел людей, удобно сидящих перед какими-то ящиками. Из них струился голубой свет, и слышались звуки. А еще он увидел, что в стенах, над головами людей, под их ногами тянутся голубые линии и от них во все стороны расходятся дрожащие волны. Эти волны пронизывают людей, разрушают внутреннюю чистоту и мало оставалось тех, кто противостоял дрожащему голубому мареву... Люди с удовольствием погружа-

лись в него...

– Что стало с людьми?

– Они называют это своей культурой. Они придумали машины, которые показывают то, что творится далеко от их дома. А еще они могут переживать события, которые происходят не с ними. Им нравится сидеть дома и смотреть на то, как другие сражаются, страдают, умирают.

– Но кто-то ведь страдает и умирает...

– Это особые люди изображают страдания и горе. Их очень почитают...

– Для чего мне дано видеть все эти картины?

– Разве ты еще не понял? Сейчас ты борешься ради того, чтобы через много тысячелетий твои далекие потомки стали такими... Они отравят океаны и себя, они спрячутся в скорлупу собственной значимости, и будут считать себя самыми главными. Они подомнут под себя мир и станут думать, что не они для мира, но он для них. Они будут считать, что жизнь придумана только для них, и они в праве распоряжаться ею для своего удовольствия. Ты видел, как сражались они между собой, стараясь захватить побольше удовольствий...

– Ради этого и убивают друг друга?

– То, что ты видел – это малая часть убийств... Их много, очень много... Вы сражаетесь со своими врагами силой, ловкостью и хитростью... А они придумали машины для убийства и могут сразу уничтожить множество таких племен, как твое...

– Но для чего?

– Ложные цели они считают истинными и готовы ради этого уничтожить любого, кто будет оспаривать их мнение...

– Так что же мне делать?

– Перестань бороться с Бурей, не пытайся понять ее тайну... То, что ты узнаешь, не стоит твоего внимания. Твое упорство оценено, и ты избран. Тебя возведут в сонм высших. Но для этого нужно принять решение... Тебе показали будущее для того, чтобы ты понял, ради чего сейчас готов положить свою жизнь...

– Да, ради этого не стоит так трудиться...

– Вот именно! Ты избран, зачем тебе новые приключения...

– Тогда ответь мне, кто ты? Откройся и я соглашусь с тобой...

– Мое имя тебе ничего не скажет. Я один из многих, кто наблюдает за людьми. Или ты хочешь, чтобы я назвал имя?

– Что твое имя – только звук! Я хочу понять тебя... Мне важно знать, чьи советы я слышу...

– Я тот, кто рядом и в горе, и в радости! Я в тебе и вне тебя... Я с тобой всегда и ко мне ты уповаешь в минуты скорби и печали... Что ты еще хочешь знать?

– Если все, что ты сказал – правда, то ты – Джянга!

– Нет. Джянге нет времени следить за своим творением. Мы его посланцы и смотрим за людьми. Мы помогаем и останавливаем, мы служим...

– Кому?

– Истине! У нее нет имени и лица, но она в каждом и каждый готов к ней прикоснуться. Но она открывается немногим. Ты избран и тебе она может приоткрыться... Решайся...

Оламер хотел ответить, но свет вокруг задрожал, мигнул и пропал и он оказался в темноте. Сколько он ни раскидывал внимание, темнота, наполненная жизнью, была везде. И тогда Оламер вскричал:

– Где Свет? Где тот, кто говорил со мной?

Но тишина была ответом. Она окружала его, и невольно вспомнилось, как он стоял в тишине «не жизни». И воспоминание о той волшебной тишине отозвалось в нем шорохом мыслей:

– Это не темнота, а отсутствие Света. Свет создал Великий Джянга, а до того было темно. Ты в тишине «не жизни», ведь без Света не было и той жизни, которую ты знаешь как единственно сущую в вашем мире.

– Но сейчас-то я был в Свете! Куда же он исчез?

– Ты не был в Свете. То, что тебя осветило – это иллюзия Света.

– А говорил я с кем? Разве это не был посланец Джянги?

– Был. Посланцев много, да несут они разное. Кто-то привлекает иллюзией света, а кто-то Истиной... Ты стоял на пороге выбора и склонялся в пользу отказа от своей борьбы. Но Великая Мать простерла над тобой руку, и ты вошел в чертог тишины «не жизни». Отсюда ты сможешь увидеть все...

Оламера закутило, понесло и мгновение спустя, выбросило из темноты. Как и в первый раз, он оказался в пустыне. Раскаленный песок, знойный ветер и в темном жарком зеве раскопанной ямы он увидел людей. Они осторожно обметали кисточками какую-то вещицу. А голос внутри объяснил:

– Они ищут то, что осталось от древних. Они хотят восстановить прежнее единство человека и мира, помочь людям вырваться из трясины, которую они называют своей культурой...

– Но я видел их – бессмысленно сидящих в своих клетках... Они окружили себя какими-то голубыми линиями и выпускают внутрь их дрожание. Оно разрушает людей...

– Тебе показали лишь то, что хотели показать. Посмотри, есть и другие...

Оламер оказался на опушке леса. Среди кустов пробирались люди, очень похожие на его соплеменников. Такая же грубая одежда, в руках дубины, только что-то неуловимое в их облике подсказывало Оламеру, что они – другие ... Он потянулся к ним, но ткнулся в невидимую преграду. И появилась мысль-знание: они ушли от городов ненадолго, чтобы почувствовать в себе древний дух. Они не знают, как его восстановить и нашли такую форму. Они просто играют, как ваши дети. Да они и есть дети, ибо ищут в играх проблески древнего Света.

– Что могут дать такие игры?

– Для них – многое. Они хотят понять, чем жили предки

тысячи лет назад.

– Значит о нас помнят и знают?

– Нет, вас забыли, но помнят тех, кто пришел после вас.

Нет имен, но осталась память... И ею живут многие.

– То, что я видел – малая часть...

– Все и всегда начинается с малого... Ты видел начало. Но в людях живет тяга к своему началу. Они ищут...

– Наше начало тоже манило нас неизвестностью, а оказалось, что мы потомки нелюдей.

– Вы продолжили их путь. Эти люди продолжают ваш. Ты видел многое из того, что сумели сделать люди Бури. Но не только этим живут далекие потомки. От того, куда ты шагнешь, может зависеть очень многое. Тебе сказали правду – ты избран. Но избранность особая. Примешь то, что тебе показали в первый раз и будешь избран сразу и вознесешься. Тебе станут поклоняться, во имя твое будут уничтожать народы... И наступит то время, которое ты видел. Но в нем уже не останется места для искателей древнего Духа. Люди будут убивать друг друга во имя придуманной справедливости.

А шагнешь к тому, что видишь сейчас, будешь трудиться. Ты понял и принял многое, но предстоит подняться еще выше и взойти к Свету Седьмого имени... От него ты начнешь свое восхождение, но к нему нужно придти... И когда придешь и примешь, то люди смогут видеть иной Путь. Постигание Истины станет сначала уделом избранных, но потом знание разойдется среди людей, и тяга к нему будет преодо-

левать жестокость, грязь и злобу.

Ты видел, решай. Никто тебе не поможет, кроме тебя...

Оламер слушал и не мог ответить себе: к чему его тянет сильнее... А темнота снова засверкала вспышками Света, потом закрутилась в тугий клубок, словно две силы сплелись в смертельном противоборстве и Оламера выкинуло из кипения неведомого. Он стоял на берегу живого, сильного, могучего океана. Прибой лизал его ноги ласковым накатом волн, и казалось, что он смотрит на Оламера выжидающе: куда же ты шагнешь, чью сторону примешь...

Привычка к чуду

Камень отворился. Ему показалось, что вместо камня разверзлась дыра в пространстве. Но, повернув голову, он увидел, что исчезла только передняя сторона, а с тыла камень так и остался серым валуном. Оламер снова стоял на пороге неведомого. Это было с ним уже столько раз, что перестало радовать или тревожить. Когда он был учеником ведуна племени Прибрежного мира, тот много раз повторял:

– Ты многое постигнешь и поймешь, но остерегайся привыкания. Оно страшнее всего, поскольку прячет Истину.

Тогда Оламер отнесся к его словам без должного внимания. Как можно привыкнуть к чуду, которое переворачивает мир! Оказывается можно. Столько всего пережил за последнее время, что не осталось ни удивления, ни трепета, ни восторга... Вот и сейчас, огромный валун раскрылся перед ним. И оказалось, что это только с виду камень, а внутри скрыто нечто. Оно открывает вход в новые миры. Но что происходит с ним? Он удивился? Или может, испугался? Да нет. Появилась привычка к чуду. Мало того, Оламер нетерпеливо ждал, если ничего не случилось несколько дней к ряду. Как это – столько времени и без удивительных превращений!

И на этот раз привычное повторялось. Наверное, останься камень камнем, Оламер удивился бы. Но нет, все шло так, как он ждал: камень распахнулся перед ним и открыл про-

ход в неведомое. Ему снова предстояло что-то познать. Оламер шагнул и... ткнулся носом в камень. Он отступил назад и посмотрел на серую поверхность, но ее не было. Темная дыра в пространстве... Но стоило шагнуть вперед, как дыра исчезала и он упирался в каменный бок.

Он несколько раз попытался прорваться в разверстую дыру неведомого, но всегда шаг завершался у холодной серой поверхности камня. Сначала Оламер разозлился. Он уже привык, что перед ним открываются врата познания и неведомое само приходит в руки... А тут! Но злость скоро отступила. Что проку гневаться на камень? Он от этого не изменится, а вот человек изведет себя, и ничего не прибавит... И снова вспомнил слова старого ведуна: «Если для достижения цели нужно преодолевать какие-то препятствия, откажись от цели, ибо она не стоит затраченных сил. Истинная цель свободна в достижении».

А эта дыра в пространстве – разве она не цель? Он шел к ней всю жизнь. Даже когда жил в Прибрежье, мечтал войти в мир Великого Джанги. И вот он на пороге, а внутрь не пускают!

Вереница мыслей неслась в голове: отчего, почему, что мешает ему стать посвященным? И в глубине сознания родился ответ, который сначала он даже и слушать не хотел: «Научись удивляться, вспомни, как делал это в детстве...»

Да нет, это все его домыслы. Чему удивляться и как? Разве его удивление способно что-то изменить в окружающем

мире? И вдруг, словно преграда рухнула в нем, он увидел...

Серый свет раннего утра и громадный серый валун. А потом человек вышел из близкого леса и подошел к валуну. Когда он приблизился, Оламер узнал себя. И обмер. Как же так, он видит себя, видит, как он сам идет от леса к камню. А кто же тогда видит его?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.